

Виктор

Брусницин

Виктор Брусницин
Вечный двигатель

«Издательские решения»

2014

Брусницин В.

Вечный двигатель / В. Брусницин — «Издательские решения», 2014

Интрига романа обусловлена существованием некой сабли – находится в простой уральской семье: три взрослых брата и матушка – с неразборчивой надписью и преданием. В надписи присутствует слово Орфиреус, псевдоним Бесслера, исторического лица, с которым связаны попытки создания Вечного двигателя. Каждая глава во многом несет отдельную историю с приметам времени и места. Перипетии разнообразны: Бесслер, Петр первый и розенкрейцеры; начало прошлого века; барбудос, лилипуты, советские люди и наши современники. Урал, Болгария, Австрия, Германия, Америка. Витиеватые судьбы братьев: измены и дружба, загадочные личности, забавные и мрачные приключения. Любовь, разумеется, что еще может быть Вечным.

© Брусницин В., 2014

© Издательские решения, 2014

Содержание

Глава первая. Вадим	6
Глава вторая. Дым	28
Глава третья. Сабля	48
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Вечный двигатель

Виктор Брусницин

© Виктор Брусницин, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая. Вадим

Полдень удался солнечный, но обходительный. В колке, уместившем деревенское кладбище, подле свежерытой могилы расположились гроб с ветхой старухой, невеликая толпа: замурзанные старики, стройная дама в шляпке, суровые мужички, редкая молодежь, сурово теснящаяся к отцу отроковица.

Опустив на усопшую скорбный взгляд и держась за ребро гроба, стояла грузная женщина – дочь, Марина Алексеевна, матушка наших героев, трех братьев. Шла панихида с младым, опрятным попом и с гротескными по виду (две плюгавые бабули с величавыми минами) и звучанию (дурными голосами хватали партии) плакальщицами. Бесчинствовали назойливые слепни и комары – дама в шляпке вооружилась веточкой, малая сердито чесала голеню – курили в сторонке пара равнодушных к гнусу копальщиков, молодой и противоположный. Милосердный ветерок оведал тронутые печатью события лица, и обосновалось в уголке пустого неба спелое облачко в легкомысленных буклях.

Обширная ограда вокруг громоздкой, запущенной избы и построек. Мощеный двор затянут узорчатой травой, в приоткрытые щербатые и полинялые ворота амбара видна замшелая гряда хлама. Скисла поскотина, жалко покосился плетень – за ним огород, заросший деревьями репейника и прочим разномастным плевелом. Посреди двора накрыт поминальный стол. Мероприятие приличествующую стадию уже миновало: гомон, пробелы за столом, разморенные от тепла и вина лица.

– Ты, што ись, мякину мне не надо, – доказывал ветхий с пропечённым лицом дедок, адресуясь к соседу, кривенькому взаимно молодцу. – Армия – комель дяржавы и наука для мужика. Какова в тебе претензия, коли долга не ведашь и орудию держать не наторен?

– Мое орудие замечательно держится и всегда готов, – артачился молодой. – А государству по шивости я долг прощаю.

– Тожно заряжай!

Две старушки взыскательно и молчаливо всесторонне пялились, слабые рты основательно тасовали пищу. Сдобная тетья, поднося свежую влагу, звенела:

– Ну-ка, мужички, не скоромьтесь!! Тетка Опроня бы, известно, не поощрила – буди, уже ангелов на том свете щекотит!

Не «скоромились».

– Рано ты, Валькя, душу на небеса определила, – блюла тон происшествия одна из старушек, – не сокоти зря.

– Кому и рано, а тетке в самый раз, – обосновывала родство Валя. – Помирать, так без отека, сходу в рай!

Дама в шляпке – Ирина, привлекательная особа – сокровенно вещала соседке сходных лет:

– А что ты хочешь, Катя – это баба Фрося богатств не имела, а жизнь удало прожила. Время такое было! Теперь ценности другие, судьбу проплачивают – я не о себе, ты понимаешь, про детей.

Дальше вправо и пошли наши три братца. Старший, Вадим – слегка посивевший очкарик сорока с невеликим годов, муж Ирины, кандидат замороженных наук. Даже за аппетитным хрупаньем огурца мялась виноватая улыбка. Затем Андрей, сугубо современный молодой человек что-то тридцатилетнего возраста, благостно созерцавший дедка с пацифистом – музыкант. Коля, средний – сидел чуть поодаль – улыбчивый простой мужичок (прораб на стройке) тридцати шести лет.

– А как мы змею Лешачихе подсуропили, – имея мечтательный взгляд, доказывал Николай сидящему рядом сродному брату и соратнику по детским делам Гене, – либо в Пьяном бору заплутали, а? Я эти воспоминания как достояние чту...

Вспоминали, как курили сигарки, начиненные шелушенными с переросших «солдатов» чешуйками, как за пару шанег выгадали узреть у местной дурочки девичье сокровище – орошались, воссоздавая прочие вихри языческой жизни.

– Кстати, что Сано Федотовских? Не иначе чего серьезное мастерит. Умелец, помню, был беспощадный!

– Да ково-о, – ясно, Гена до сих пор близок к деревне, – гогнул как лет пять. По пьяному делу утоп – это просто.

– Рупь тринадцать, – весело грустил Коля, – помянем.

К Андрею сзади подошла Марина Алексеевна:

– Андрюша, ты не пил? За руль ведь, помни.

– Мам, весь компот собрал.

– Я слежу, – встряла Ирина. – Настёнка с нами, не позволю.

– Петя, – хозяйка обратилась к худому седому мужчине немногим за пятьдесят, это ее младший брат, – мясного-ка добавлю.

– Куда?! – противился тот. – Брюхо уж не пускает.

Возмутилась Валя, обретавшаяся неподалеку:

– В тело – куда! Сквозь ребра говна плывут.

Петр, улыбаясь, отмахнулся – с Вадимом беседа.

А солнышко заваливалось, уж веяло прохладцей. Пертурбация: державный дедок аккуратно пристроился на предусмотрительный топчан, где предавался нирване, что явствовало из умильной улыбки и пулеметной трели нижней губы, Катя органично втесалась между Геной и Колей, азартно внимала двустороннему натиску. И верно, с родней-то исключительно на таких мероприятиях соприкасаемся.

Разумеется, шумела песня. Исправно зияли рты старушек, выцветшие глаза от усердия сочились слезами. Матушка братьев, не в такт раскачиваясь, вела второй голос, Андрей не натужно, однако в тему держал высокую партию.

Ирина хмуровато нащептывала мужу (она и здесь пригожа):

– На кой твоим братовьям бабкин дом с их неорганизованной жизнью!? Руки приложить, какую ладную дачу можно соорудить. Чем людей изобретениями смешить... – Ирина без вкуса ткнула в рот капусту, вздохнула, устремляя далеко сокровенный взор: – Артем из зимнего вырос.

Вадим, чуть наклонив голову, вместе насмешливо и ласково рассматривал супругу:

– Погоди с подобным. Да и мать с Петей (повелось, дядю Петю братья звали по имени) не забывай – их воля.

Ирина протяжно, с сарказмом перечила:

– Сказа-ал, Пе-етя – ему, кроме рыбалки, все синим пламенем! А для мамы, известно, твое слово первое.

– Всё-о-отдал бы-ы за ласки взоры, – подхватывая новый номер, ёрно и лирически клонясь к ней, замычал Вадим.

– Чтоб ты владела мной одна! – сопранила Ирина, кладя на плечо мужа руку.

Уж сумерки пожаловали, длинные и резкие тени расписывали строения. Поредело хорошо, за убраным столом где-то с краю горбились редкие фигуры мужиков – налились головушки. Женщин видно не было, уборкой занимались. «Настя, накинь из машины кофточку! И далеко не убегай, скоро едем!» – Ирина. За воротами, рядом со смазливой иномаркой мама Марина руководила погрузкой, Андрей впихивал в багажник всякое. Ворчал:

– Кому все это?! Мне не надо, Вадим тоже отказывается.

– Нам с Колей – тебя ж потом приехать не упросишь!
– Мам, все одно после девяти дней за тобой Колька приедет... – Замер. – Кстати, он теперь с нами не собирается, куда я это барахло?
– Как это не собирается? – взвилась мать.
– Не хочет! Он с Генкой на электричке. С нами Петя едет.
– Как Петя? – возмущение выросло. – Разве Петька сегодня уезжать наладился!?
Мама усеменила на разборки. Из ворот вышел Вадим с длинным узким свертком.
– Ну вот, теперь у меня лежать будет. Дед Алексей наказывал беречь.
Андрей кивнул.
– Дай-ка гляну – я ее не видел уж лет двадцать. Как в деревню перестал на лето ездить.
Вадим развернул сверток – в нем лежала потертая, небогато инкрустированная сабля.

Давно состоялось лето, расположился отличный будничным вечерком. В трехкомнатной среднего достоинства брежневке в меньшей комнате разместился Вадим с пятнадцатилетним сыном. Ковырялись в механизмах.

– Мамулю, Тёмыч, мы умоем, – вставая со стула и разминая плечи, мечтанул Вадим. – Она гримасы на наши дела строит, а мы почистим.

– Я, пап, в интегнете высмотрел, – детским баском, симпатично картавя, не возразил Артем. – На западе теогия одна моду набирает – женщина не человек вовсе.

– Ну, это дела старые – святоши в древние года даже библию под это дело способили.

В дверь незамедлительно всунулась строгая рожица Насти, десятилетней что-нибудь девчушки:

– Я маме и сообщу, ей по должности надо знать!

– Хак... – любовно усмехнулся Вадим, Артем воздел очи к небесам – «Господи, где ты был, когда их создавал», читалось в жесте.

Пришла Ирина. С порога напомнила субординацию:

– Вадик, ты дома?.. – Мазнула взглядом вешалку, настойчиво распорядилась: – Вадик-ик!

Срочно сбегай за хлебом – я забыла купить.

Вадим показался из комнаты, поинтересовался:

– Почему я? Артемка, в конце концов.

Освоив тапки, Ирина с пакетом прошла на кухню, произнесла с немилосердным выражением лица:

– С этим гражданином будет особый разговор!

Тотчас на сцене обнаружилась Настя, цвела улыбка:

– Мамуля, приветик!

– Дочик... – погружаясь во чрево кухни, бросила Ирина.

Чопорный взгляд Насти в мужские частности не скрывал внутреннего ликования.

Папаша размышлял. С одной стороны хотелось амортизировать тяжесть неизвестного проступка сына, с другой – чревато.

Выйдя из подъезда, Вадим столкнулся с пожившим, обтрепанным дядей.

– Наше вам! – весело протянул руку.

– Заметь, Вадим, – возмущенно тряс ладонь сосед, – третью игру подряд наши выигрывают! Центральный стадион, двадцать тыщ народу, не хухры! Полсезона на Уралмашевском сливали – о чем городские головотяпы думали?

– Подозреваю, дядь Леша, изгаляется Моссад, – улыбался Вадим, вполоборота отходя.

Дядя Леша недоверчиво смотрел на Вадима, неуверенно произнес:

– Причем тут самосад? Спортсмены не курят.

– Странные люди, однако, эти спортсмены, – отзывался Вадим уже на расстоянии.

Дядя Леша на мгновение замер, задумавшись, озадаченный медленно тронулся в подъезд.

Вадим подошел к вывеске «Всегда свежий хлеб». Через окно мини-пекарни происходила реализация. Нынче состоялась очередь человек в восемь (из мужского – один интеллигентного вида старичок). Вадим беззаботно пристроился.

Прелюдия, однако, длилась недолго, зигзагами приблизился непотребного состояния и вида верзила. Подойдя, основательно остановился перед устьем очереди – размашисто колебался – укоризненно наладился смотреть в аккуратную мадам, сложившую руки с сумкой внизу живота. Мадам, коротко бросив на товарища взгляд и тут же равнодушно убрав, кожей чувствуя, что плятятся на нее, снова уже более чувственно мигнула в его сторону.

Первое волнение нерва передалось через переступание ног. Руки разомкнулись и легли вдоль тела. Мадам взглянула на соперника возмущенно. Уже негодование рисовал величественный отворот головы... Наконец детина громогласно, голосом сиплым и корявым извести:

– Слышь, сударыня! Дай десятку – на билет в оперу не хватает.

Незамедлительно, пожалуй что тренированно, женщина противно, не согласуясь с фактурой, взвизгнула:

– Какая опера?! Кто тебя, забуддыгу, в оперу пустит! Место тебе... – Дама явно не находила достойной области. Пришло озарение: – В балете!

Предложение не оставило субчика равнодушным – он размышлял, что явствовало из увеличившейся амплитуды качания.

– Хорошо, – согласился наконец, но не без компромисса, – тогда две.

– Вы посмотрите на него! – Возмущение мадам было обращено уже к очереди. Она сделала новое предложение: – А в милицию не хочешь?

– Ну ты, овца – глохни, – угрожающе возразило существо, однако от оппонента отодвинулось.

Соискатель пустился дерзко обозревать очередь взглядом, несомненно, выискивая очередную жертву. Заметим, Вадим несолидно скосил взгляд куда-то в стену. Тем временем последовало очередное сообщение:

– Здорово что ли! – Так с угрюмым задором объявил член общества интеллигентному старичку.

– Разве мы знакомы? – потерянно лепетнул подопытный.

– Ты чо!! – пораженно выпучив глаза, расстроился человек. – Бухали же недавно у Славки Смирнова!!

– В каком смысле? – подавленно простонал дедуля. – Помилуйте, никакого Славку я не знаю. Более того, я совершенно не пью.

– Перестань, – снисходительно уже и благоволя пропел товарищ и, обняв друга, просипел: – Зинка-то, курвища – ну помнишь, без зубов которая – крякнула, паленой водкой траванулась!

– Послушайте... – дедок сделал хилую попытку освободиться – куда там! – Послушайте... – На этом словарный запас иссяк.

Экзекутор вошел в положение, еще теснее прижав другана, вдохновенно предложил:

– Ну чо – берем чекунявый, и мама не свисти!?

У старичка отчаянно затряслась нижняя челюсть, тело обмякло, ноги пошли подкашиваться. Неизвестно, чем бы все кончилось, если б настырное существо не увидело Вадима. Нечто вроде столбняка мгновенно прохватило дядю, грудь мощно вздулась, глаза полезли из орбит. Мощным рыком он озвучил манипуляции:

– Версилов!!.

Нет, Вадим, ты зря убираешь глаза, вся очередь – думается, с облегчением – понимает, Версилов ты.

– Версилов!!! – прогремел дубль, монстр угрожающе придвинулся к Вадиму.

Наш, вынужденный узнать, что означает это слово, обратил взор к чуду. И получил за опрометчивость:

– Ты, подлец, какого хрена здесь делаешь?

Вадим на всякий случай оглянулся. Ноль. Возвратил взгляд.

– Ты, Версилов, не должен здесь находиться, а должен платить моей сестре алименты! – продолжил мысль орясина тоном проникновенным и веским.

– Это ко мне что ли? – отчего-то к очереди обратился Вадим.

Оная поспешно спрятала глаза, всем видом подчеркивая, что именно к нему. Вадим устремил взгляд к домогающемуся и объяснил:

– Вы, дружище, путаете. Я далеко не Версилов. Относительно сестры совсем не обессудьте.

– Ты мне Ваньку не валяй! Ты, – мужик, сжав кулак, процедил сквозь зубы уже напористо и зло, – Версилов, и целый год путался с Клавдией. А как ребенка состряпал, так и убёг, сволочь! – Дальше душевно заключил: – Алименты сюда. Быстро!!

Вадим прыснул, но сразу утих, ибо гробовое молчание очереди создало атмосферу ситуации, в которой не все так уж просто. Амбал усугубил, говоря сочувствуя:

– Ты знаешь, ведь я теперь тебя бить стану! – Рот его открылся в улыбке, откуда зловеще блеснули гнилые зубы.

У Вадима вдруг проснулись эмоции. Он был возмущен, растерян – перепуган, наконец. И сработало существо, из закровов выползли слова – через улыбочку:

– Слушай, парень! Я понимаю, у тебя похмельный раж – кочевряжишься тут. Только нужно и меру иметь. – Похоже, нашел, что вступление не достаточно дипломатично, тон изменился: – В тебе, поди, метра два росту и килограммов – за центнер (Вадим, конечно, врал), а пристаешь к немощным. Что-либо соразмерное бы поискал.

Голиаф пораженно выпучил глаза:

– Ты что, Версилов, совсем дурак?! Кто подюжей, он и сдачи даст! А тут как славно... Не-е, я, пожалуй, тебя отмутую.

С этими словами Глумила расторопно засучил рукав, далее сгреб плечо Вадима и занес кулак над головой.

Здесь произошло неожиданное – наш друг чуть отпрянул назад, несколько присел, одновременно отведя ногу как опору, страстно глядя в лицо визави, упруго разогнулся и треснул антагониста снизу кулаком в подбородок... Дальше наступило совсем чудесное. Дядя несильно взбрыкнул головой, взгляд его, упертый в собеседника, блеснул удивлением и быстро угас. Ноги подогнулись, он неспешно ополз вниз и грузно повалился на спину.

Все это вызвало окончательный испуг Вадима – видно, что такой прыти, тем более результата, ожидать не мог. Он наклонился к поникшему и принялся тормошить, в ужасе причитая: «Эй, товарищ... э, дружище».

Примечательно, что мнение очереди относительно случившегося разделилось. Одни – в их числе, разумеется, очутились дамочка и старичок – характеризовали деяние как «поделом». Другие сетовали в том смысле, что можно было и аккуратней.

Детина, между тем, благодаря заботе, зашевелился. Судя по всему, его происшедшее не очень-то огорчило. Он медленно открыл глаза, широко – а почему не мечтательно? – глядел в небо и уютно елозил спиной по асфальту. Вадим, успокоившись, выпрямился, лицо приобрело независимую, разве не удалую мину.

Тем временем шла женщина с коляской – верзила же перегораживал путь. Вадим – прямо скажем, гордый собой – наклонился к вещи и потянул за рукав, предлагая:

– Слышь, сокол, ты бы встал на время, тут женщина пройти хочет.

Пернатое, скосив на Вадима глаза, с полным пониманием предмета, абсолютно ответственно заявило:

– Нет, ты не Версилов...

Несмотря на героизм, входил в квартиру товарищ, возвратившись с провиантом и помня о намерении Ирины относительно Артема, осторожно. Стояла относительная тишина – ура, шторм угадал на отсутствие. Попалась Настя – важная в подтверждение окончания нотации. Там и Артем показался, кажется, еще взвинченный, но уже при резких движениях, что указывало на характер. В общем, ужин – жить, иначе говоря, можно. Семейство сосредоточенно питалось. Первое слово, понятная вещь, произносилось Ириной:

– Артем, навязло говорить, что стол не подставка для локтей. Вообще-то чувство приличия начинается именно с таких мелочей! (А ничего удивительного, пусть проказник не надеется, что ограничится очередной компанией.) – Поза Ирины – во всяком случае, расположение рук – были строжайше выдержаны (Вадим невольно приободрил осанку).

– Даже недостойность должна иметь приличие – Островский, – гордо внесла лепту Настя. Этого Артем не выносил начисто. Проявилось следующим образом – раздался вопрос:

– Николай Остговский?

– Какой еще Николай? Александр Островский, драматург – однако, о чем я! – Тон не давал усомниться, кто «луч света», а кто – «темное царство».

– Остговский Николай – выдающийся металлург, да будет известно, – съязвил Артем. – Способ закалки стали газгаботал. Не какие-то там «быть или не быть».

Мама сделала мертвое лицо, но быстро сообразила, этим не пронять:

– Я понимаю так, моя речь о приличиях и стук горохом о стену – одно и то же. – Голос Ирины набирал дидактический раж. – Артем, голубчик! Кошунство – как минимум род неприличия, а вообще-то – похуже. Я допускаю, что большинство обитателей мест не столь отдаленных начинали именно с этого... (Смежно она заботливо намазывала маслом хлеб, затем придвигала сооружение к сыну.) Ряд можно продолжить именами исторических личностей типа... э-э... В общем, я допускаю, что твое халатное отношение к истории...

– Гитлер, – великодушно подсказал Артем, – Наполеон, Тамеглан.

– Ну, я не знаю относительно Наполеона...

– Хогошо, выстгроим иную линию – Малюта Скугатов, Гаспутин...

– А что Распутин? – живо встряла Настя. – Я слышала – это был демонический мужчина!

Выдающихся качеств!

Ирина, строго:

– Давайте оставим в покое Распутина.

– Слушайте! До чего забавная штука полчаса как со мной отчудилась, – попытался сломать тонус сиделок Вадим. (Ирина с чугунным лицом повернулась к Вадиму – вот откуда взялись у сына поползновения к кошунству.) – Забияка тут один выискался, когда я за хлебом ходил. Вот уж хам, доложу вам – дедка одного за здорово живешь чуть живьем не съел! Собственно, и на меня настырничал.

– И что? – с сомнением поинтересовалась дочь.

– Ну... я сказал пару ласковых... надлежащих.

В глазах Насти зажглась искра:

– Я бы хотела конкретней...

Ужин окончен, Ирина занялась посудой. Вадим ковырялся в пульте телевизора: за экраном происходили цунами с жертвами, народ волновался относительно ошибочных шагов правительства, шоу и кинозвезды раздавали массам культуру. Покончила с посудой Ирина, вошла в комнату, из прихожей донесся голос Артема:

– Когоче, я на улицу!

– Что значит на улицу!?! – спросила немилостиво Ирина.

Вадим увещевал:

– Ир, ну не будем чересчур уж...

– Ты считаешь – это чересчур? Дорогой мой – период, мы не раз говорили. Попускать теперь – каяться после.

– Именно период – перегибать, знаешь, тоже...

– Артем!! – непреклонно дослала Ирина.

А парня-то и след простыл.

– Получите – все усилия... – не сказать, чтоб очень разочарованно констатировала женщина.

Появилась Настя, кратко и пылливо взглянула на родителей – взгляд опал: родители невменяемы. Тон, соответственно, был безапелляционен:

– Я к Лильке.

– Надолго? – уныло любопытствовал Вадим.

Такая не проникновенность в ситуацию возмутила дочь:

– Папа, ну откуда я знаю!

– Вот, пожалуйста, – можно сказать радостно обратила ладони в сторону дочери Ирина, глядя на Вадима. Дальше едко: – Как, говоришь – чересчур?

Теперь признаем – форс-мажоры ничуть наших голубей не обескуражили. Взгляните, как мило прогуливается парочка по пронизанной ласковым светом вечера улице. Запустив за спину руки и поводя плечами, неторопливо шествует Ирина, более сдержанно, но в шеренгу передвигается Вадим. Все это совершается молча. И право, при таком построении – к чему слова?

Вадим углядел летнее кафе, глаза зажглись:

– Ир, а что ты скажешь относительно бутылки красного вина?

– Что я скажу? – В Вадима уперся залихватский взгляд, в нем содержалась гордость собственным мужчиной. – Ты милый, вот что я скажу.

Направились в злачное. Мирное, открытое небу заведение, столик содержал приятную глазу бутылку, бокалы с вином и мороженым.

– Ты не догадалась? – «что ты скажешь относительно бутылки красного вина». Ну? Вспомни нашу игру, угадывали фразы из книг. Неужели забыла?

Ирина счастливо засмеялась:

– Господи, я дура! Конечно помню – «Хождение по мукам». Только погоди, по-моему, там шла речь о белом вине. Точно!.. Но согласись, Вадик, я выигрывала чаще.

– Безусловно. Впрочем, дело в романе вроде бы кончилось шипучим.

Молчали, пригоже было.

– Взгляни, какая славная у парня куртка, я давно Артемке хочу такую.

Вадим пустился укромно разглядывать деталь.

– О чем речь – справим... И тебе давненько ничего не приобретали.

– Вадька, ты забываешь, где я работаю.

– Ир, хочется сообразить тебе что-нибудь шикарное.

– Ну, посмотрим. (Согласитесь, не следует попирать естественные притязания мужчин.)

Тронулись обратно. Вадим положил руку на плечо Ирины, прижал, она послушно прильнула.

Лето. В знакомой уже комнате теснились Вадим с сыном. Папа усталым, но гордым движением снял очки, азартно глядел на некое сооружение. Младший внимательно, чуть приоткрыв рот, уставился туда же. На столе стоял агрегат, помещенный в стеклянный футляр размером со средний аквариум, поставленный вертикально. Сразу шли во взор колесо на короткой

оси, что крутилось с постоянной скоростью, маятник, качающийся равномерно, пластины, вдоль которых и двигался маятник, еще некоторые детали. Изобретение безупречно функционировало.

О содеянном доложили Ирине, милостивая улыбка притулилась в уголках рта Вадима:

– Взгляни, матушка. Мы тут изладили вещь.

Снисходительно глянув на мужа и на показ пряча вздох, Ирина поплелась из кухни.

– Ну? – Уныло взирала на чудо, вытирала о фартук руки.

– Перпетуум мобиле, – имея смиренный вид, выразился Вадим.

Артем, гордо развалившись в компьютерном кресле, болтал ногой закинутой на другую.

Снизолел:

– Вечный двигатель.

– Не морочьте меня, я только похожа на девочку. – Резво поменялись поза и тон. – Артем, уважаемый, как наши неприятности с историей?

Со стороны юноши последовало очередное молчаливое обращение к Господу. Раздался горячий, со сквознячком возмущения голос Вадима:

– Есть неиспользованная, но неистощимая сила – земное притяжение. Если применить принцип отталкивания одноименных полюсов, то... Словом, все создано на основе магнитов и концентрации сил с помощью компоновки определенных материалов.

– Вадик, я умоляю! – в Ирине прозвучало отчаяние.

– Артем, ну скажи! – у Вадима состоялась аналогичная эмоция.

– Не отвлекай Артема, у него история.

Артем величаво поднялся и глаголил:

– Мао сказал: истогия бесполезна, как погожее лоно вдовы.

– Какой еще Мао!? – в голосе мамы слышалась угроза.

– Цзе дун! – с пафосом рассекретил Артем.

Ирина в пароксизме негодования молчаливо засопела, однако опала, очевидно, пытаясь соблюсти педагогику:

– Его счастье, что угодил в ад, иначе со временем я бы его оттрепала.

– Мао не дугак, он везде найдет тепленькое местечко, – продемонстрировал сынуля «еще тот».

– Вот что, остряк, – тон понизился и медь интонировала голос, – я не намерена рассуждать о... о всяких вдовах, но нас с папой ты рискуешь оставить сиротами.

Между тем Вадим теребил какие-то чертежи, его голос хорохористо звенел:

– Спонтанная вибрация магнитных полей, купировка силовых моментов – вот ключ!

Реверсивный эффект конуса!

– Ты згя, ма, так скептически относишься к инженерной мысли, – пытался перевести речь отца Артем, но по молодости дал маху: – Опять же Мао сказал, в маленькую дыжку может дуть большой ветег.

– Послушайте, неуважаемый, – судя по тону, мама произошла явным демократом, просматривалась идиосинкразия на Мао, – ваши познания приобретают дурной колер! Вопрос о мерах встает решительно.

– А что я сказал! – субординация взяла верх, Артем сник. – Мам, ну такая бодяга эта истогия... А учителька! Ну дуга же кгомешная, у нее агийцы в опегах Вагнега поют.

Всплеск рук Ирины.

– Учительница, видите ли, дура! – Последовало обращение к Вадиму, сарказм и вопро- сительно-въедливый взгляд, правда, выдали сомнение в надежности и решимости товарища к урегулированию чего-либо: – Обратите внимание, мужчина, ваш сын о себе возомнил. Между нами, это ваш сын, мужчина!

Мужчина, оказывается, сидел на тахте и, грациозно раскачиваясь, с кожей уйдя в творчество популярной группы, мычал:

– Девушка Прасковья, из Подмосковья...

Раздался звук, он обнаружил в дверях фигуру младшенькой (Настасья существовала в позе: руки были уперты в поясицу, головка запальчиво вздернута):

– Боже мой, о чем ты, мамочка! Ты совершенно не можешь иметь голос, поскольку по теории этого... э-э... извините, субъекта (указующий жест совершил сальто, он – негодование) отнюдь не числишься человеком. Я полагаю, мы даже и не курицы.

– Не поняла! – Произнеслось вразтяжку, почти басом, руки воинственно, как у дочери, уперлись в бока, взгляд Ирины на субъекта струился исподлобья. – Как это даже не курицы?

– Мам, – резко изменил тактику Артем, – там теогия одна. Совершенно, газумеется, дугацкая – без истогички, я думаю, не обошлось... – Обернулся к сестре, прошипел: – Наушница.

Настасья обиженно развернулась, показывая полную несовместимость с социумом, и красноречиво вышла – голос, однако, донес скорбное:

– В каких условиях приходится существовать!

– Артем! – помпезно воскликнул папа, вытягиваясь в струну. – Будем иметь уважение к женщине.

– Нет, я требую объяснений (поза Ирины стала более чем угрожающая)! Я чувствую заговор!

– Иришь, – Вадим шел винтом, – издержки интернета, отсутствие целенаправленного отбора. Это возрастное.

Настя, оказывается, ничуть не уходила, а совершала некий маневр, ее прелестная мордашка высветилась в дверном проеме. Выразилась отрывисто и ехидно:

– Ха... ха... ха – я смеюсь и падаю!.. – Торжественно, олицетворяя картину крайней безнадежности, возвестила: – В его возрасте Билл Гейтс заработал миллионы!

Артем процедил Насте:

– Змея, змея, змея.

Вадим волновался:

– Не станем уподобляться... будем кооптироваться во имя...

Ирина монотонно и настойчиво, тыча указательным пальцем в пол и упершись туда же взглядом, настаивала:

– Я требую объяснений... сиюминутно... я – требую!

Артем хило цеплялся за позиции:

– Двойку мне истегичка ни за что вклепила – узугпатогша.

Настюха изящно массирует виски, чуть касаясь пальчиками (а-ля Фаина Раневская), локти высоко:

– Я таки не выдержу этот бедлам – в монастырь! – Вновь исчезла.

– Объяснений!!

Артем, выглянув в дверь и убедившись в отсутствии недруга, скучно разъяснил:

– Ма, женщины по той теогии – полубоги.

Ирина приподняла бровь:

– Только не говори, что и это сочинил кормчий.

Артем буркнул:

– Следуя теогии, мы вообще нагасно пгедставляем бога мужиком – это женщина. – Вероятно, не в силах скрыть чувства к историчке и сестре пасмурно добавил явно от себя: – Отсюда вся нелепость мига.

Либо из политеса, либо от пристрастия, по экспоненте переходя в крик, Вадим изложил:

– А не могу ли я изъяснить нижайшую просьбу, чтоб все заткнулись!!! – И выдержав паузу, убийственно спокойно обратил ладони: – Оно – вертится.

Через какое-то время Ирина задумчиво рассматривала неугомонный агрегат, а муж вдохновенно – пока не осекли – пылил:

– Представляешь? Нефть, всякие там энергоносители становятся фитюлькой. Собственно, что энергоносители – дальше некуда... – Вадим достал джокера. – Ту шубу-то... ну, мы мечтали – первым делом.

Жена молча копала в маковке. Наконец, выдохнула:

– Чтоб никому ни полслова. Клянись моим здоровьем.

– Эти Бивис и Бадхед, мамуля, – не унималась Настька, семена за матушкой, шествующей на кухню, – дом скоро превратят чёрты во что... – Шли театральные жесты. – Какой-то Чернобыль!

Ирина сдержанно наушала:

– Нюся, это генотип, данность, которую должно принимать и пестовать. Средствами по имени любовь.

– Я и говорю, эти Эдисоны... Мы, женщины, призваны индуцировать и корректировать. Им же во благо.

Ужин. Семья асинхронно хлопотлива и вместе с тем солидарна – Настасья заботливо подвигает к Артему хлеб, объявляет вдохновенно:

– Между прочим, Тёму на городскую олимпиаду по физике выдвинули.

Мама, не без елея:

– Как всегда, я все узнаю последней.

– Скромность – хламида героев! – патетически возвестила Настя, однако, тут же приснула.

Подал голос Вадим:

– Физика мужчине все-таки больше к натуре. История, признаемся, штука пластилиновая, больше женского рода – я, помнится, тоже проблемы имел.

Ирина суховато подправила:

– Поостережемся с аналогиями.

– Оно – вертится, – вякнул Вадим.

Артем впрыснул энтузиазма:

– Если удачно с этой олимпиадой сложится, на всегосийскую отпавят. Это, ппрактически, поступление в МГУ.

– Вау! – авангардно твякнула Анастасия, предваряя философски-иронический подхалимаж. – На осине не растут апельсины.

Папа гордо сделал движение плечами, вероятно, уточняя, что в казуистическом смысле осина – он.

Лицо Насти вдруг проморозилось, взъярился взгляд:

– Тёма! А как же я, если ты уедешь?!

Артем замер, засим пошел громко хлопать веками, что означило обнаружение неучтенного отрицательного ингредиента надвигающейся перспективы. Последовало совместное молчание. Завершила операцию Ирина, умильно провозгласив:

– А вот за границу вчетвером на пару недель, куда-нибудь в Швейцарию – мечта!

– В Париж!! – немедленно вскипела Настя...

Предсонный разговор супругов в постели традиционно имел место, Ирина осведомилась:

– Как ты мыслишь дальнейшее продвижение?

– Ну, в патентное бюро заявку нужно подать, либо сразу соответствующий институт колупнуть. Так или иначе экспертиза потребуется.

– Только через твой труп – обдерут, как липку. Тебе ли не знать, мало морочился со своими изобретениями.

Последовало альковное сюсюканье. Подытожила Ирина строго и одновременно любя:

– В общем так, я сама вопрос провентилирую. Положись на меня.

Вадим, гася свет, послушно выполнил указание...

Утренний заяц мутационных величин – солнце лупило во всю стену – не нарушил строя общежития: существовала квелая суетня, невзрачные физиономии. Уже после завтрака Ирина настороженно заметила:

– Как-то все это сомнительно. Если дело верное, то главные сложности впереди – сплошь прилипалы.

Вадим ответил раздумчиво:

– Черт, а ведь я и не подумал. Дело в том, что вечный двигатель как изобретение обычным порядком никто рассматривать не будет. Тут нужен серьезный подход... Я бы Костю подключил. Он мужик ушлый... и свой.

Тот солнечный зверь, наш добрый знакомый, имел манеру шастать. Он прогуливался по утренним лицам людей, на которых было начертано, что им предстоит всякое, по умытым улицам и строениям, которые громоздились архитектурно, участливо и даже нужно, – он перемещался вообще, что обуславливало существование порядка вещей. В частности (если вы помните, мы живем при торжестве частного), заяц озарил некую вывеску, которая задиристо гласила: Ателье пошива «На широкий вкус». Ключем и поинтересуемся, что имеется в виду.

Посетителями мы оказались не единственными. Подле приемщицы, которая имела озабоченную мину, напряженно стояла не иначе заказчица и предъявляла претензию, на что работник заведения технично урезонивала в том смысле, что хозяйка уже разбирается – при этом она тыкала пальцем куда-то в кулуары – и все будет в ажуре.

А последуем-ка указанию, и даже внедримся за некую невзрачную дверь с вывеской «Директор». Именно за ней в небольшом эрзац-кабинете мы обнаружим Ирину (получается, бизнес-леди невеликого масштаба, хозяйка), наполненным образцами материалов, за уютным столом с бесшабашной грудой квитанций и иных бумажек. К ней, облокотившись на стол, по-свойски наклонилась работница в халате, с чуть заметной брезгливостью крутила в руках некое изделие:

– Ирин, ну что с нее возьмешь – девка только колледж закончила. Ну напортачила. Здесь ужжем, сюда присобачим – первый раз что ли?

– Да я понимаю. Но как не пожурить – молодой нерв надо в досаде держать. И заказчица оторва... В общем, ты сама разберись – я нынче квелая.

– Ирина Григорьевна! – прибежал из закровов голос, впорхнула непосредственная дама из тех что нравятся. – Слышь, Ирка (шлепнула между делом по заду согнувшуюся), чурачки подкатили, приличный драпешник фарцуют. По сходной цене.

– Меня уволь... Девочки, ей богу я сегодня далеко, сами порулите.

– Заметано.

– Новый что ли образовался? – поинтересовалась разогнувшаяся.

– О чем ты, Лёль. Не хватало еще и о мужиках голове болеть. – Скомкано улыбнулась. –

Вы, девчата, идите, у меня действительно серьезное.

Женщины сочувственно ушли. Ирина сняла трубку:

– Константина Аркадьевича можно?

Будем доводить дело до конца, коли взялись наблюдать за Ириной. И так, дама уже на улице (перед выходом из заведения, заметим, были сделаны косметические коррективы в лице и весьма критический осмотр целого) – не так уж длительно пройдясь и завернув за угол, направилась довольно целеустремленно к некоему объекту, коим случился не слабый

автомобиль, притулившийся к обочине. В агрегате сидел мужчина – понятно, что Константин. Живое, улыбочивое лицо, аккуратно повязанный галстук вкусного узора – неназойливый респект. Открыл дверцу, не выходя, и... поцелуй... Ага, скажем себе!.. Сразу тронулись, по-видимому, церемония встречи давно отстроена. А и послушаем помимо прочего:

– Ты имела такой тон, будто это деловая встреча, – с достойной дикцией, удерживая в лице улыбку, произнес господин. – Я возмущен, пост длится уже три месяца.

– Кто учил меня быть психологом? Любовника нужно выдерживать – как бренди.

– Ну, это когда достаточен градус, иначе можно и прокиснуть.

Ирина с шутливым возмущением повернулась:

– Поясни – наши отношения не достаточно крепки?

Костя (позволим себе, поскольку присутствует близость к основным фигурантам) поиграл физиономией:

– В наших отношениях важна не крепость, а... э-э... (смешок лиса) отношения. – Избавился от опасной темы: – Куда держим?

– Давай просто прокатимся, имею до тебя слова.

Машина меланхолически стрекотала, славно шумела сырая дорога, деревца рябые, патлатые, корявенькие густо населяли проспект. Подслеповатое солнце сорило неназойливым светом, пронырливый ветерок шлялся в пегих листьях, в мраморных лужах тонул облупленный – в облаках – потолок неба.

Костя не удержался:

– Ирк, ты какая-то напряженная последнее время – в богадельне неприятности?

– Какие в твоей богадельне могут быть неприятности?

– Опять! Позвонила, чтоб слить на меня дурное настроение? Знаешь же, как я не люблю, когда ты причисляешь меня к своему заведению.

– Ну, ты же ссудил.

Костя сузил глаза и раздраженно бросил:

– Ты все о проценте, который я беру? – Попытался погасить порыв мягкостью тона. – Не корысти ради – понту для. Я неоднократно говорил, исключительно, дабы обозначить зависимость. Ты ж меня бросишь иначе! Так что все-таки?

Ирина вздохнула.

– Даже не знаю... все так противоречиво. – Ирина повернулась, глядела с интересом, спросила с добрым звоном: – А почему напряженность и непременно неприятности?

Метнулся лукавый зрачок Кости:

– Я догадался, ты обратно влюбилась в Вадика.

Ирина помолчала, сделала физиономию нарочито скорбящей, тон тоже играющим:

– Я сейчас заплачу... – Тут же виновато задумалась, сказала уже серьезно: – Похоже на то. Впрочем, когда это я его не любила?

Костя обнял Ирину (она послушно положила голову на его плечо), говорил:

– Не уверен, что его вообще можно не любить.

– Я – стерва.

– Не без этого, – ласково копал в волосах Ирины Костя. – Впрочем, тебе это к лицу.

Ирина манерно капризничала:

– Страстно хочу мороженого.

– В чем проблема?

– Мороженого неба...

Константин:

– Послушай, давай куда-нибудь закатимся. Так другой раз тащит в одиночество – смотреть на птицу и умиляться. – Помолчал. – Веришь ли, всегда боялся глядеть на огонь. Странно.

– Вадим тебе звонил?

– Ты знаешь, он часто звонит.

– Насчет двигателя.

– Какого еще двигателя?

– Вадим сочинил вечный двигатель, – убирая голову с плеча Кости, постно и отчетливо объявила Ирина.

Константин отрешенно, не войдя во фразу, произнес:

– Что сочинил?

– Вадим изобрел перпетуум мобиле. – Голос был жесток.

– Он может. Помню, когда в институте учились, вездет сконструировал... – Костя со вздохом возвратился в жизнь. – Ну, рассказывай, что произошло?

– Я предельно серьезна. Вечный двигатель.

Взгляд мужчины был еще туманен:

– Птица моя, как можно, ты же заканчивала вуз.

Ирина с невесомым раздражением кинула:

– Не смей о возрасте.

– Отнюдь, милая, ты в июне. Полагаю, на тебя так подействовал последний сериал.

– Не смей о сокровенном. – Ирина набрала обычный вид. – Впрочем, да... В общем, дело нешуточное.

Костя молчал, на лице лежала тень недовольства. Произнес с чахлой улыбкой:

– Следи за моей артикуляцией – этого не может быть, потому что не может быть никогда.

Ирина красочно закатила глаза – из немых фильмов:

– Где вы, Бонд?

Константин: вздохи, царапанье затылка, пожимание плеч, шмыганье носом. Ирина буркнула сдержанно:

– Это Вадим хочет ввести тебя в курс дела. Пока требуется всего-ничего – посмотреть.

Константин стоял в комнатке изобретателя, тот и Ирина расположились рядом. Руки гостя были сложены на груди, недоверчиво разглядывал крутящийся экспонат. Сдвинулся, опустив руки, осматривал вещь всесторонне. Бормотал, насупившись:

– Давидка ты наш копперфильдовый. Чудачок ты затейливый. – Повернулся к Вадиму и одобрил ласково: – Ту идейку, из «Науки и жизни»... помнится, еще студентом носился... заловкачил таки.

Вадим хмуро и вместе хитро глядел на Костю. Молчал.

– Погоди-ка, я вспомню, – ворчал Константин, – ну это понятно, магниты. Погоди-ка, что-то там... э-э... – бормотал нечто химическое, внимательно высматривая окрест чуда утаенные причиндалы.

Не найдя, чесал нос, досада читалась в физиономии. Оживился:

– Слушай, а ведь мы эту химеру впарим. Лошков-то найдем – дуреют люди от богатства. – Смятенно искал взгляд Вадима, видна была собственная обескураженность.

Вадим не выдержал:

– Все верно, еще с той поры думал... Да ведь я структуру материалов нашел.

Вадим пустился горячо разоблачать механизм, однако Ирина гневно и ревниво ущипнула его:

– Ты не расходишь особенно. Пойдемте на кухню, жаркое подошло...

Кухня, Вадим и Костя были уже соловенькие – красовался далеко початый флакон коньяка.

– Черт, а ведь действительно просто, – порадовался Костя, но тут же задумался. – Хотя... физику с геометрией соединить – это месяц пить надо, не меньше. За тебя... – Расстроился: –

Ты всегда был башка, Вадька, а вот по жизни – трында. Сколько я тебя звал. Нет – сидишь, трешь штаны. Кандидат наук, тьфу.

– Ну, это вы умы, мы – увы. – Вадим был собой доволен.

Хватив огурца, Костя огорчился теперь уже искренно:

– Впрочем, ребята отличные, не мой балбес. – Вошла на кухню Ирина, Костя с пьяненьким отчуждением посмотрел на нее. – Жена... (К Вадиму, в голосе состоялась угроза.) Слышь, Вадька, меняемся бабами... Ир, бросай Вадьку, что с него проку! А я тебе по четвергам слова ласковые стану произносить.

Ирина ласково пихнула его в лоб:

– Мели Емеля.

Костя нес:

– Не хотите, ну тогда головами поменяемся. А, Вадь? За тебя.

Вадим вышел, Ирина тоже была вне, Костя задумался, сколько можно отрезвел взгляд, пошел полушепот:

– Неужто действительно умудрил? – Ласково и с обидой протянул: – Чертяка – это же... – Вздохнул, полез к закуске.

Вернулась Ирина, Костя, приладив пряную улыбку, потянулся к ней:

– Птичка ты моя, любил ли кто... тебя причем.

Ирина грубовато отстранила, прошипела:

– Ошалел что ли! Накушаетесь, теряете рассудок... – Урезонила сурово: – Ты губы не катай, тело телом, а дело... Я против твоего участия, Вадим настоял.

Друг семьи возроптал угрюмо:

– Слышь, птица... – умолк, однако.

К сумеркам Костя получился совсем теплый, Вадим, Впрочем, отстал недалеко. Константин произносил не вполне надежно:

– Короче так, я пробью. Резких телодвижений не делаем – как та вдова после похорон.

Ирина смотрела задумчиво, безрадостно, молча.

Не станем ограничиваться делами только инспектируемых выше товарищей, потому что – свобода. И вообще, жизнь податлива и, что характерно, даже самые ретивые ее аспекты вполне употребляемы. Короче, банк – просторные помещения, редкие посетители, тишина. В общем, хорошо в банке. В курсе этого некий вошедший только что в помещение обаятельного облика и манер мужчина возле сорока – приличная одежда, уверенная походка, осанка, светлое лицо. Подошел к рабочему месту точно, с минимальными движениями, при обращении к служащей возникла аккуратная, выверенная улыбка (служащая – миловидная молодая женщина, чрезвычайно к глазам очки – сидела, склонив голову к бумагам):

– Приятного дня, я гляжу – новое лицо. А что с нашей доброй Зоей Антоновной, уж не хворь ли?

– Здравствуйте. Нет-нет, там все прекрасно, Зоя Антоновна пошла на повышение, теперь здесь буду я.

– Замечательно, свежие и привлекательные люди всегда радуют. И конечно, тронут относительно вашей предшественницы. – Обаяка осекся. – Подождите, да мы же знакомы!

Дама напрягла лоб:

– Да, кажется, мы встречались. Но... извините, напомните, пожалуйста.

– Ну как же, позапрошое лето, Сочи, пляж, волейбол.

Лицо женщины озарилось.

– Господи, какая я нелепая. Конечно же!

– Совершенно естественно, солнце и обнаженное тело обезличивают. – Душевно улыбнулся. – Недаром говорят, демократия возможна только в бане... Впрочем, скорей в море.

Смешок служащей и дальше улыбка уже за вежливое.

– Любопытно. Демократия – это безликость?

– Вообще говоря, да. Власть массы – как не безликость? – доставая паспорт, непринужденно, проникновенным баритоном излагал посетитель. – А что не вспомнили, правы абсолютно. Жить сподручней будущим.

– Не хотела бы отказаться от памяти. Так что у вас?

Лицо Обаяки незамедлительно набрало серьезную мину:

– Конечно, я увлекся... впрочем, немудрено. Э-э... должен поступить перевод – двенадцать тысяч долларов. Снимаю, как всегда, десять... – Обрато случилась душевная улыбка и произнеслось с легким назиданием: – Так ведь как с памятью обращаться. Всякое воспоминание – род мечты, вот что имел в виду Данте, сказав: прошлое – рай, который у нас не отнять. В ином качестве воспоминания часто оскорбительны, кроме того, расслабляют и умеряют надежду.

Девушка, с улыбкой осматривая паспорт, стрекоча попутно компьютером и постреливая глазами на обаятельного господина, благоволила:

– Замысловато – стало быть, спорно.

– Да как же без сомнения – не сомневайся, так и проскользнет всякое мимо. Непременно подержать нужно.

– Однако слова у вас недалеко расположены.

– Имеется такое. Да чем же еще умащиваться? Слова – и засада великая, спрятаться дают, и заговор всякого рода делают порой самым гипнотическим методом. Наконец, молчание к работе располагает, а это уж очень несимпатично, ибо человек – фабрикация свободная, значит, возьмите Сартра, пустая.

Существовали еще мелкие приятные фразы, росчерки. Обаяка завершал:

– Ну что (паспорт исчез в груди – белели зубы), мои посещения приобретают многожды славную подоплеку. Стало быть, Таня, если позволите... – Ногтем чуть тронул табличку с именем девушки. – И кланяюсь Зое Антоновне, коли увидите. Благ вам!

Другой день, тот же банк, нервозная суетня персонала. Пожилой мужчина в громоздких очках с негодованием произносил нашей новенькой:

– Вы что, не понимаете? Это же подсудное дело! Десять тысяч долларов вместо тысячи, это же! Куда вы смотрели!

Женщина пребывала в ужасе: очки сбились, глаза и нос распухли, руки не находили места, из горла падали невразумительные хныкающие звуки. Мужчина сурово теребил бумаги, тухло скрипел: «Я отказываюсь понять... нет, ну цирк». Тыкал в компьютер: «Вот же поступление на его имя – тысяча двести долларов...» С сердцем швырнул бумаги на стол, обреченно уронил:

– Будем вызывать органы, я не вижу выхода.

Следуя недавнему отступлению о разностороннем, окунемся теперь в новое помещение. Просторная, щедро и вместе умеренно обставленная комната, ухоженная и притом сугубо мужская: оставленные в разных местах книги, на кресле наскоро брошенный свитер, ежикастая пепельница. На бюро три-четыре порядочно тронутые бутылки дорогого спиртного, преимущественно хорошоградусного. По стенам лазал наш заяц. Присутствовали Обаяка и пикантная дама подле тридцати: брючный костюм а ля «самое-что-ни-на-есть», фурнитура отменного вкуса, безупречный макияж. Она стояла на фоне окна – в Блоковском ракурсе – разумеется, одна рука была небрежно уведена в карман, естественно, нога перекрещивала другую, безусловно, прядь волос удерживалась на плече, завидуя вольному падению остальных. Вне всякого сомнения, плутал легкий дым сигареты, обосновывая прильнувшую к окну живопись дня.

Обаяка уютно развалился в углу дивана. Разглядывал игру резьбы добротного стакана, затеянную отсветами интимной бурой жидкости. В посудинку и витийствовал:

– Плесень, Инночка. Жизнь должна бродить, и продукты гниения неизбежны. Кто-то очищает от плесени, а иные, претендующие на вкус, таковую используют... А что такое вкус?.. (Глоток, смакование.) Вот виски. Поднеси землячку ее инкогнито, и подавляющий угадает сивуху... Поведаю казус. Мне этак двадцать с коротким, иду туристом на пароходе по Волге. Употребляли в те времена исключительно жигулевское... Гуляем это мы с приятелем по городу и натываемся на заведение, где дают чешский «Праздрой» – дефицит отчаянный. Берем, стало быть, несколько бутылок и возвращаемся... Остальная наша компания с экскурсией отлучилась и приговорили мы прелесть единолично. А к вечеру соорудили штуку: слили в чудесные бутылки – там и этикетка, и формы – обыкновенный жигулевич, и тащим сия на вечерние посиделки... Угощаем, значит. Причастил народ продукт, нахваливает – нет, дескать, далеко нашим... Тут же и родимое жигулевское за общим столом. Вот и подпускаю – что-то не могу различить... Брось ты, пеняют мне – нашел сравнение. Приятель, заметь, намеренно остальным поддакивает. Короче устроили мы дегустацию и оставили меня единодушно в презрении. Мало этого, мы уж секрет разоблачили. Шиш, так и не сдвинули народ... – Мужчина аккуратно покашлял и произнес с проносом: – Какой-нибудь маршан де вэн, либо турнедо кордон руж!.. – Резко опал. – Слюна ползет. А в исподнем – шмат мяса.

– Я поняла отсюда, что жульничать ты рано приспособился, – подала голос женщина.

Были глоток в ответ и комментарий:

– Славно однако... – Рацея продлилась: – При всем этом вкусовые букеты вещь не слабая. Немудрено, еда – первое, что человеку досталось. А если вдуматься, какой порой мерзостный атрибут мы жрем. «Когда б вы знали, из какого сора...» Взгляни, имеются семь цветов спектра, семь нот – большинство сенсорных ощущений поддаются ритму. И только вкусовые не удаётся пленить. Отсюда я делаю заключение – хаванина суть высшая гармония... Итак, человек претенциозен и примитивен, напыщен и жалок. Лжа – квинтэссенция гомункулуса, а жизнь – пробирка, где осуществляется данный тест. Деять кривду и подвергаться оной – тождество и достоинство человека.

Обаяка встал. Вроде бы флегматичные движения по комнате, но просматривался нерв: стакан ставил, брал обратно.

– Собственно, Инночка, я вот к чему – ты здесь около часа и произнесла только пару фраз. Как говорят, не молчи на меня так.

– Если ты о достоинствах потенциальной супруги, то не рассчитывай.

– На достоинства или супружество? (Дама взглянула через плечо – с укоризной и одновременно просьбой.) Усек, не будем опошлять отношения... Итак, все прошло замечательно. Однако риск слишком велик. Гипноз – штука деликатная и здесь необходима полная сосредоточенность. Служашую в любую минуту могут позвать, еще как-то отвлечь. И потом, каждый раз иметь новый паспорт – хлопотно. Наконец, нельзя перебарщивать с суммами. Надо придумать что-либо менее уязвимое. В общем, эти мизеры – как-то недостойны выделки.

Инна развернулась, осела на подоконник. Открылся фас – не сказать красавица, но очень прилично:

– Есть одно дельце. Твои психотерапевтические навыки смогут поработать.

– Выкладывай.

Инна монотонно, по-деловому осведомила:

– Имеется заинтересованный гражданин, его очень занимает одна вещь. Готов заплатить солидные деньги. Вещь находится в некоей семье, и заполучить ее непросто – собственно, я знаю эту семью, имела к ней далекое отношение. Однако непосредственно действовать не могу, здесь как раз нужен ты. – Инна погасила сигарету, в тон закралась живинка: – Сережа, я, возможно, уеду, когда это закончим.

А нынче пусть день будет тусклым... Рядил дождь, лоснились асфальт и окна, перемещались под парусами зонтов озабоченные люди, дистрофичная собака в свалявшейся шерсти подле фонаря растерянно оглядывала мир, не понимая как жить дальше, – минор. Все это за окнами чревоугодного заведения. Внутри существовали малочисленные посетители, пианист выводил в углу непритязательные мелодии (как пригож инструмент в такую погоду). Присутствовали наши Инна с Сергеем и некий иностранец (облик уже указывал) – пухленький гражданин сходного с гипнотизером возраста, вполне свободно, пусть с легким акцентом и редкими ошибками, общавшийся на русском. Он улыбочиво глядел на Сергея.

– Мэ с Эной родственники. М-м... свояченьца? – спрашивал взглядом у Инны, снова крутился к Сергею. – Я женат на ее сестре.

– Как мало я о тебе знаю, – кинул Сергей Инне.

– Это и лучше.

– Для кого? – скользнуло недовольство Сергея.

Инна обратилась к иностранцу, в этом содержалось сдержанное раздражение на соотечественника:

– Кстати, позже напомни – ей хотела кое-что послать мама, нужно будет связаться. – Голос умеренно взмыл: – Дитер! Все-таки отчего Таня так редко бывает на родине? Сдавайся, твои происки!

– Отнют, она... м-м... как это... шибко работает... Впрочем, видите ви часто. Кстати, что там с твоей визой, проволочки сняты? Ми поедэм вместе?

Сергей кисло напомнил о присутствии:

– Куда, если не секрет?

Дитер охотно пояснил:

– Разве Эна не говорила? Ми живом в Австрии. Я понимаю так, что информация обо мне Эна вас не посватила. Мой отэц – русский. Вэрнее помесь с молдованин. Моя фамилия производный – Деордиц... В конце сороковых годы отэц убеждал – там бэли сложни обстоятельство. Его жизнь стала проиграна... – Помолчал. – Я его редко вижусь.

Сергей вскинул глаза:

– Ваш батюшка игрок?

Дитер неохотно довел до сведения:

– Отнют. Он бэл охранник – ему угрожали зэки... Я не могу сказать определенно – отец не любит это вспоминать. Кстати, тут Екатеринбург жил мой дадьа – тэперь он умер. Словом, я родился уже в Вэнэ. Здесь, однако, нахожусь часто – по бэзнес.

Сергей проворчал:

– Бэзнес это вещь, – впрочем, набрал улыбку. – И какого рода? – Стрельнул к Инне: – Думается, такое любопытство в порядке вещей?

– Женского рода, – пытался шутить, обозначив это хихиканьем, Дитер. – Мануфактура, так говорили прежде. Я очень лэблю это слово.

– То-то и есть, что женского, – буркнул Сергей, сколько возможно укрывая желчь.

– Я очень много ежду. – Взгляд Дитера постоянно ходил от Сергея к Инне. Улыбка шла постоянная, иностранная – неживая. – Это нужно. И я лэблю Россию – кров голосует. Здесь много дэль.

А фортепяно забирало. Какие звуки извлекали его опрятные клавиши: до-соль-фа-диез-соль ми-бемоль-до-ля – боже, что за чудная мелодия. Вот пошел ядреный пассаж, и как славно подпекали басы – исключительно в душу. Глаза Инны убраны поволокой, она – негде. Можно представить, сколь высокое эхо звучит в ее душе – значительные мгновения!.. Чу, однако, взгляд ее прикоснулся к земному – никак бедолагу собачку тронул. Точно! Подле той дистрофичной шавки некая старушенция суетилась – соболезнавала. Впрочем, на пристальный глаз

вовсе и не старуха. Здесь обнаруживалось нечто среднее между вокзальной синявкой и претенциозной дамой пятидесятих... Особа, безусловно, пьяна. И широка душой. Что демонстрирует, суя животному какой-то продукт. Собачка же воротит нос, при этом искоса с сильным недоверием разглядывает особь. Мадам презент уже и впихивает (широта души обязывает), на что собачка абсолютно аристократично делает разворот и вальяжно удаляется.

Инна ознакомила сопричастных с обстоятельством:

– Взгляните, до чего забавная тетка... – Улыбка умиротворения висела на лице. – Полюбуйтесь, да она пьяна.

– Славный, должно быть, человек, – заметил Сергей.

– Я убедился, – поделился Дитер, – даже бедный русский – щедр.

– Очень тонкое наблюдение для бизнеса, – пробубнил Сергей...

Значит, возвращаемся в уют. Пока мы окунались в душу Инны и затем историю с синявкой, здесь многое произошло: вот уж Сергей доверительно подался телом к негоднику, тот откинулся на сиденье – нога закинута на другую, ладонь покоилась на столе – от сигары вилял дым, другая ладонь лежала на колене и локоть периодически и забавно вздергивался вверх. Забытая и смиренная Инна тянула кофе.

– Вэдите ли, – продолжил Дитер рассказ, прерванный приглашением Инны, – вещь нельзя украсть, купить, отнять. Она должна быть дана добровольно. Поэтому вы нищны.

– Я – нужен, – вторил Сергей – судя по тону и выражению лица, здесь присутствовала философия. Несомненно, ибо последовал решительный вопрос: – И почему нужна?

– Я не обижусь, – предельно философски ответил Дитер.

В обширном гаражном массиве зиял распахнутый бокс. В чреве мерцали аккуратные жигули шестой модели, перед гаражом уютно сидел на стульчике и терзал некий механизм Вадим. «Обмани, но останься...» – напевал он. Во всем облике, в рачительных и свободных движениях рук были написаны умиротворение и соразмерность (а разве песня не о том же?) ... Вот некая тень вмешалась в идиллию. Вадим поднял голову и разглядел мужчину в широкой улыбке. Это был Сергей.

– Я все понимаю, – изложил последний, – карбюратор, что может быть ответственной. При всем том просто не нахожу выхода, вынужден обратиться.

– Да ничего, ничего, – виновато поощрил Вадим. Показал на механизм: – Сосед попросил взглянуть – моя-то лайба на мази. Собственно, я уже закончил.

– Вадим – я верно нашел? Вас порекомендовали как классного специалиста. Понимаете, редуктор заднего моста накрылся. – Развел ладони, как бы слагая с себя ответственность. – Говорят, вы занимаетесь... в общем, и я не без рук, но нужен стенд – у вас, якобы, есть. (Сердечно улыбнулся.) Позвольте представиться – Сергей...

Закрыли глаза. Открыли и взглянули на настенный календарь – чу, потопчал маненько. При этом те же, там же... Стояли. Вадим указал на обернутую тряпкой конструкцию:

– Готов ваш редуктор. Все заменил, как обговаривали. Проверил – не гудит... если что-то будет не так, вот телефон.

Сергей полез в карман за деньгой:

– Послушайте, цену вы назначили смешную. Уж не обессудьте, но я добавлю.

Вадим не согласился:

– Ни в коем случае! Не считите за рисунок, но тут, знаете, все по тарифу. Нет-нет.

– Добро, мы поступим иначе...

Там же, те же, но этак сидя, так это все за импровизированным столиком – душевно, короче. Кроме того, тронутые уже сосуды. Еще закусь.

– Вадим, слушай сюда. Берешь олив... ну, так с полгорсти – и следи за моей рукой... – Пошел жест полный гастрономического сладострастия. Дальше горячо: – Ни в коем случае

не всякие там маслины, а то иногда попускают. Про-фа-нация, уверяю!.. Теперь следующее действие – будь внимателен. Все что мы приготовили, урезонилаешь (снова жест) ... имбирчиком... – Пауза. Взгляд стал строг, проговаривалось отчетливо и настоятельно. – И не пере-мешивать! Просто заклинаю... И последовательность – соблюдать непременно.

Пошла милая, хрум огурчик.

– А я, Серега, чебуреки признаю. Я тебя как-нибудь попотчую. Взгляни – тесто да фарш, куда проще. Но когда с душой – мощное изделие. Собственно, это мой жизненный принцип – простота и тщательность.

– Не возражать! – царила пьяненькая солидарность. С шипением вобрал воздух. – Вадик, дружище, такие как ты державу и несут. Я знаю, я – психолог... Нравственность и ответственность! Верю, именно они обратны станут составлять достоинство. Нажрались свободы, обдемократились – хватит, пора за ум!

– Серега, ты прав.

– А я тебе так скажу, время бабское. Возьми – в чести хапок, голова идет исключительно как приспособление для завитушек, гримасы и прочего имиджа. Все на примитиве. Бабы, в общем, торжествуют. – Он вперился в бутылку. – Что остается?

– Ты глу-бо-ко прав. – Вадим достал сильный вздох. – А мы выпьем, и я тебе скажу вещь. Другому бы не решился, а ты – психолог... – Взмыли сосуды. Хрум. – Не стану кривляться и – без обиняков... – Произошел выдох – преодолевалось внутреннее сопротивление. – В общем, жена, похоже, изменяет... С другом... Не могу, конечно, утверждать, но чувствую. Такая вот ситуёвина... Нет, ты прав, время больное – впереди тот кто с мощной, а что я?! (Вздох скорби.) Нет, она меня вроде любит... либо привыкла... но... Неприятно, скажу тебе.

Совершилось значительное молчание – минута неловкости. Сергей, наклонив голову, взял правой рукой мочку левого уха. Сильно глядел в пол. Голос получился проникновенный, нутряной:

– Тогда слушай. Я ведь свою прямо застал. В самый непосредственный момент... А ты говоришь психолог. Тут поневоле станешь.

– Хэк! – радостно качнул головой Вадим.

Было прилично за полдень, но и сумерки еще спали. Дело шло к осени. Два гражданина категорически разного пола передвигались по тропинке, бегущей по берегу озера, заросшего березой, ивой и осокой. Остановились. Покойно мерцало зеркало воды, изумительно ущербленное ржавчиной опавшей листвы, вкрадчивый, хрупкий шорох путался в умытых ветвях, одинокий лист березы осанисто вертелся над их головами, некая пернатая тварина горланила неподалеку. Ба, да это же Костя и Ирина.

Костя сокровенно вещал:

– Думаешь там всё умные? Брось – сплошь умники.

– Ну-ка – и кто мы?

Костя сделал пристальный взгляд, но безадресный:

– Рукав, который не пришьешь.

Ирина кивнула, беспечно улыбаясь:

– А что – должность.

Костя:

– Я бы хотел управлять собой, и... нету. Кажется вот-вот, смотришь на жену, хочешь ее пожалеть, думаешь, как мало надо – подойти, сказать... и не могу!

– Все ты брешь, претензии твои – физиология, кризис среднего возраста... – Шутливо добавила: – Или ума?

– Ну... не сбрехнуть, что без соли кушать. Да и на кой копать, где до песка вытоптано. А про ум-то – в лузу ровнехонько.

Они шли, Ирина оскользнулась, хозяйски ухватилась за Костю – тот ретиво удерживал. Ирина, пожаловалась, выправившись:

– Хотя!.. Вчера фильм был о Венеции – такая печаль наехала. А зачем? – какие-то дурацкие гондолы, сырость. Сколько показывают, я не видела, чтоб в Венеции купались... Натура человеческая – все ватное, аморфное (Костя сделал вопросительный взгляд) ... Я подумала, за границей всего три раза была.

– А давай смотаемся в Бразилию, сельву! – зажегся Костя. – Нет, я серьезно.

Ирина удивилась искренне:

– Слушай, ты что, действительно меня... действительно чувства имеешь?

– Не знаю, вряд ли. Просто все надоело, – буднично произнес Константин. – Нет, правда, я хочу увлечься – давно, знаешь, не доводилось! Думается, теперь в форме, а кроме тебя под рукой – отсутствие. Потому как дела зажрали – так что...

– Речисты вы больно! – без обидного сказала Ирина. Взор стал строг. – Я вот какое думаю, милый... а не с перпетой ли словеса связаны?

– Помилуй – фокус, я сразу просек.

– Пожалуй. Знаешь, я подозреваю, что для нас изделие приготовлено. Похоже, Вадим подозревает.

– Вадим и интрига? Бред!.. Впрочем...

– Послушай, тебе Вадим пояснял устройство – это реально?

– Бог с тобой, я ж кривой был в зигзаг... Да и... ты думаешь, я что-либо из науки помню? Сумерки осели, вода налилась тяжелым мрамором, крякнула взбалмошная лягушка, отличное небо распласталось над миром. Костя, придирчиво оглядев Ирину, поинтересовался:

– Ирец, что за дерьмо ты носишь – ты же в профессии!

Ирина метнула запальчиво:

– Это – дерьмо?

– Ну посмотри – какие-то оборки, кудельки – маразм.

– Дурак ты!

Костя, довольный собой, смеялся:

– А ты зато – шлюшка.

Ирина вдумалась, остепенилась:

– Ну и шлюшка, тебе-то что!

– Обожаю шлюшек.

Костя, совершенно счастливый, обнял Ирину, притянул. Ирина далеко не прилежно попыталась отстраниться:

– Отвали, я тебя не люблю!

– Зато я... ну это... – Полез носом к ней в ухо. – А ведь я тебе, Ирка, зачем-то нужен. Что там кривить, в трахтибидох я отнюдь не зверь, но ты же тянешься, я вижу... Из-за денег? Нет! Тем более что и давал я не под тебя, а ради Вадима!

– Для мишуры, – незлобиво сказала Ирина.

– Для мишуры я очень уважаю, – порадовался Костя. – Собственно, это мое хобби – сбоку присутствовать. В душу получаешь, конечно, меньше, но и в лоб. А лоб – мягче.

Вадим покашлял, потупившийся взор говорил о неблагополучии: гноился психологический нарыв. Вот взгляд возобновился, глаза заблестали, глядели напряженно на Сергея, веки часто мигали.

– Знаешь, Серега, ты мне провидением послан. Необычное со мной... Я вот переживаю... а горя нет. Какие-то странные манипуляции организма... Понимаешь, чуть ли не азарт – вот ведь пакость. Словом, ты давай меня разоблачай, не то как бы по фазе не... того, – Вадим замысловатым жестом обозначил «того».

– Естественная штука, – пожал плечами Сергей, – организм перерабатывает нестандартную ситуацию. – Заговорил скучно: – Основной мотив ревности, безусловно, собственность, тут реакция на посягательство... – Шпарил казенными психологическими фразами, доказывал размашисто, но вдруг замолчал, голова странно дернулась, заморгал несколько конфузливо. – Давай-ка треснем. Все это ерунда – ревность... Тьфу, гадость!

Вадим вслед выпил. Лицо его посветлело, глаза ерзали, не попадая на Сергея – смахивало на появление чувства неловкости, – где-то оптимистично выдавил:

– Нда, похоже, дело мое безнадежное.

– Сама жизнь безнадежна, потому что от нее никуда не деться, – флегматично урезонил Сергей, но тотчас добавил колюченько: – Я ем про Фому, он мне про Фиму!

Вадим досадливо, с кряхтением выдохнул. Помолчал, заговорил, наверное, решившись еще на откровение:

– Понимаешь какое дело – недавно в Америке мне довелось побывать. Я там нагородил и, по-моему, оттуда все пошло. Ни один из обозначенных тобой моментов для меня не годится, что-то со мной... ненормальное. Сам я никаких зримых связей различить не могу, но после тех событий другой стал – это точно. В общем вот что – я написал о моих приключениях в штатах. Ну, что-то вроде рассказа. Дам тебе почитать эту штукенцию, если не возражаешь – может ты что-то вытащишь.

Вадим встал, полез в машину, вернулся с тонким переплетом, лицо мялось, он волновался, конечно. Подал.

– Ты – первый читатель. На творческую сторону, разумеется, претензий нет – сугубо как лекарю.

Сергей взял рукопись. Взмыл стаканчик, Сергей сопроводил полет:

– Читать я умею.

Улица, фонарь... человеки – сколько судеб. Навязчивые шумы города интонировали мгновения. Эвон машины тюкнулись. Зеваки, доброхоты неотъемлемо – ай хорошо жить. Это Ирина стояла подле окна, созерцая явления. Скрещены у груди оказались руки, взгляд ее, поза были полны – поди угадай, что за ними. Кошка вот, выгибая спину, прося видимо, ступает по подоконнику. Получи, киса – пошла ладонь по спине, взгляд вяло опустился. Эх, кошка!

– Ма, я двойку испгавил!! – прибежал голос только что пришедшего Артема. – С тебя бутылка!

– Молодец... – не оживая, выговорила Ирина, голова повернулась, а взгляд – в пространствах. – Все разогрето, но сперва творог!

Шум в дверях, вошли Вадим и Костя. Костя приветствовал с порога:

– Ира, здоровеньки! Все цветешь и веешь.

Вадим претендовал, походя, Косте:

– Хотя бы чаю... (Зычно) Ириш! – не хочет пройти!

Ирина откликнулась без азарта:

– Не дури, чего ты как неродной!

– Нет-нет, Ир, – категорически отказал Костя. – Я на секунду.

Вадим бросил, уходя в комнату:

– Ну, смотри.

Ирина подошла к прихожей, косо, плечом – руки так и в кресте – уперлась в проем.

– Чего забежал?

– Да бумагу взять. Привет от Галины.

– Взаимно, – постно сказала Ирина, отслонилась и ушла.

Появился Вадим, подал бумагу. «Ну все, я почапал», – Костя ушел.

Спальная, горел ночник. Ирина сидела на постели (Вадим с чтивом уже состоял в горизонте), разоблачалась. Озабоченно протянула:

– Слушай, я гляжу, Артемка серьезно на физику нацелился. Как-то тут с перспективами сомнительно.

Вадим откинул книгу, живо откликнулся:

– Ириш, ты же видишь – все возвращается! Экономистов, юристов – как грязи. В конце концов, здесь явные способности, а известно, что за явные способности за границей платят. Между прочим, по социологическим опросам в Америке физики во все времена имели самый высокий престиж.

– Ты злодей, тебе видней... И все равно при поступлении подстраховаться нужно будет.

– У Костя, по-моему, там мохнатость есть.

– Господи, сейчас лапы везде – только клади!

– Не будешь же совать каждому – человек посоветует что к чему.

– Знаешь, а меня бесит – носишься со своим Костей! – Ирина легла, устраивалась.

– Ты о движке?

– Да вообще. Кстати, что там происходит? Вы что-то меня совсем в дела не посвящаете.

– Пока все катит. Оформляем заявку – нашли грамотного человека.

– Уж ты ли не грамотный? Сколько заявок сделал!

– Именно. И прекрасно знаю, какая это сволочная процедура. Чтоб отсечь лишнее и лишних, нужны определенные люди. Костя как раз на такого вышел.

Ирина выразилась раздраженно:

– Прямо этот Костя. Без него просто – конец света!

Вадим возразил решительно:

– Ты его не трогай, у меня друзей мало! – Вадим умолк на мгновение и затем тоном спокойным, веским высказался: – Я никому не говорил... Понимаешь, Костяра и сам, похоже, не помнит, а ведь на идею этой штуки – он натолкнул. Еще в студенческие годы. По существу-то она его!

Ирина посмотрела на Вадима, тот уткнулся в книгу. Ирина отвернула голову, в потолок устремился задумчивый взгляд.

Вадим шел домой с работы. Перед подъездом поздоровался с соседом, дядей Лешей:

– Ну что там Моссад – не дремлет? Еще какие происки были?

Дядя Леша хитро улыбался, тряс указательным пальцем.

– Купил ты меня – жучила! – Смеялись.

Ключом открыл дверь. «Вадик, ты?» – прибежал из комнат голос Ирины. «Ыгы», – доложил Вадим и сразу прошел на кухню. Порылся в холодильнике с целью обнаружения сока, извлек. Появилась Ирина.

– Ну, рассказывай!

Вадим обернулся:

– Что рассказывать?

– Я так понимаю, дело в решительной стадии.

– Ты о чем? – искренно удивился Вадим.

Ирина огорчилась:

– Если ты унес двигатель, значит, мы на финише!

Вадим распрямился. Молча вышел из комнаты и напористо прошел в кабинет.

Он стоял на пороге, не мигая, немо и угрюмо смотрел в место, где располагался Вечный. Тот – отсутствовал.

Глава вторая. Дым

Брежневские квартиры, возделенные тридцать восемь метров, каждый дюйм которых собственной рукой выверен и облагорожен. Кухоньки! – рубки гордых (исключительно по принятию) капитанов жизни, сокровенные нужники, будирующие отчаянные позывы либерализма... Но не будем о не сущем, будем о насущном.

Сизый осенний день, пашня облаков заволокла небо (на рубеже девяностых так случилось) – для душевного разговора самое то. Чем и воспользовались трое молодых людей, сидя в квартире на неприятной кухоньке при аналогичной закуске и нормальном количестве родимой... Прежде всего что за люди. А не кто иные как Вадим и Костя яростного возраста. С третьим знакомимся – Борис.

Костя держал фразы:

– Я, мужики, эти отработки на овощебазах сильно уважаю. Понятно, что после них посидеть куда как славно. Но самая основуха – непременно какие-нибудь истории случаются.

– У тебя где они не случаются, – вставлял дружески Вадим.

– В прошлый раз – помните на капусту посылали? Попал с бабёшками из отдела оформления. Эля, вся из себя которая. – Константин улыбался, маслил взгляд. – Я глаз-то давно положил, а тут покатило: кто-либо слово, я восемь – бабы хохочут... Сели обедать. Достаем с Генкой Митрошиным флакон – от нашего отдела мы вдвоем были – девки не гнушаются. Шире-дале – муж у нее в командировке... – Костя поднял рюмку: – За жизнь!

– Ну? – страстно любопытствовал Вадим.

– Домой на другой день пришел.

– Сволочь, – порадовался за друга Вадим, ахнул пайку.

– Иди ты! – восторженно вякнул Борис. – Она же такая... фифа. К ней, я знаю, Губанов из отдела твердых сплавов подкатывал – ноль. А уж он – завзятый.

– Ну... отломилось малость, – скромненько уронил Костя. – О деталях не будем. И вообще (сделал строгий взгляд), вы ж понимаете – это приватно.

– А я, мужики, тут статейку одну немецкую переводил, – наклонился к столу Борис после некоторой паузы, уместившей, вероятно, воображение процесса. – Балакали насчет перпетумса – помните? Так вот, в статье описана технология получения рыхлой структуры. Как раз, по-моему, годится для третьей компоненты.

– Опять вы за свое! Боря, побойся бога, – скептически откинулся на сиденье Константин.

– Вот только не надо – бог первый внушил мысль о Вечном! Кстати, твоя идея относительно рефлексивной вибрации магнитного поля – вполне дельная.

Борис азартно пустился чертить на листе бумаги что-то совершенно на наш обывательский рассудок непотребное – пошел творческий спор.

В кухоньке обосновались сумерки. Пара полых бутылей скучали в сторонке, изрядно початая находилась в деле. Достигли приятели порядочно: Борис, к примеру, состоял в дозоре – посапывал, уместив голову на столе. Вадим с Костей пока держались. Шло сокровенное:

– Не знаю, Вадька, не прет у меня наука – ты сам видишь. Да и неинтересно. И потом, чуешь, какое время – можно ухватить. Мое амплуа – риск. Пошуровать в извилинах бытия... Уйду, похоже.

– Насчет рискнуть – верно, а насчет науки – зря. Я помню, как ты в институте идеями пылил. И приличными – уж кто талантлив как не ты.

Избранник усмехнулся:

– Ошибочная репутация. Талант, если помнишь, что сперматозоид – норовят многие, а продирается один. А я один не способен... Ерунда, не мое это. Правда, что именно мое,

не знаю – вот проблема. Я тебе здесь завидую, есть Ирка, и ты всю жизнь от нее не отслонишься. Диссертация... хотя, сейчас это не модно. Тем не более.

– Кстати, что у тебя с Галкой?

– А что тут может быть? Она баба, я мужик, – выговорил Костя скучно, но с добрым бликом в глазах. – А может жениться? Для хохмы.

– Конечно жениться – водки попьем. Детки родятся – закусим. Романтика!

– Да, детки, – вяло уронил Костя и задумался.

Шло странное молчание, оборвал его Вадим:

– О чем мечтаешь – как бы помереть, да чтоб побольней?

– Так, вспомнил одну историю... – Костя встал, налил из под крана воду, жадно выпил. Возвратился – сел. Посмотрел на Вадима пристально. Убрал взгляд, опустил голову, пальцы выстукивали о стол нечто – минута отрешенности. Голова обратно поднялась, глаза наполнились внятным, глубоким. – Расскажу-ка... (Слабо откашлялся.) Ты помнишь, после института, чтоб от армии уйти, на военный подряд я уезжал? Там дело было...

Последуем за рассказом. Кыштым, страшное захолустье, затерявшееся в выеденных отрогах Уральских гор. Десятка два-три панельных трехэтажек, густой и жалковатый массив частного строения, пара мелких заводиков непонятного назначения, военная часть. В городе, впрочем, как и по области случались ранние утра – особенно в части.

Очутимся. На ухоженной территории не сказать воинственно и строго мельтешила солдатня, с пологого уклона длинного и лесистого холма, что венчался вдалеке щетинистым неровным гребнем, соскальзывал комковатый ветерок. Подле солидного бортового авто кучковалось отделение солдат. Держали себя вольно, но после сна вяловато. Неподалеку стоял Константин в гражданской робе и старший лейтенант. Служба тыкал в некий документ, разглагольствовал. Наш имел тусклую физиономию, по которой можно было предполагать веер чувств. Лейтенант имел мнение:

– Я тебя прошу, Кузнецов, будь с ними пожестче. Понимаю – тебе, как гражданскому, дисциплина не в нуту, но дело спросится. Послаблять этим архаровцам – себе дороже. – Ярился к воякам: – Вы смотрите, будут какие вольности – порезвитесь у меня на плацу! Прораба слушать беспрекословно! – И уже тихонько, чтоб не слышали подчиненные, дополнял: – Слухай, Костя, вечером у тебя соберемся, мне тут спирту подогнали. Лизку с Машутой подключим.

Урал-машина, враскачку и рыча, ползла по ухабистой дороге. Уцепившись за высокие борта, колыхались в кузове солдатики, равнодушные до разлзатых таежных красот. Да нам-то отчего не потрогать.

Сколь важно расшоперилась ель, сколь стройно – куда Эйфелевой башне. А кедр – чем не товарищ, господин и даже депутат? Вересок небрежно облагораживает нечаянно оголившиеся пространства, славно путается меж лесного начальства паутина разнообразного кустарника. Бежит вглубь ковер папоротника и прочей поросли, манит лес сочностью замысловатого рисунка, мистикой чарующих потемок. И галдят, радуясь судьбе, неопознанные птицы.

– Здесь тормози, а то опять сядем, – распорядился Костя шоферу.

Выбрался из кабины, окинул хозяйственным оком девственную окрестность. Просека, тянут служивые высоковольтную линию. ЛЭП-110 – линия электропередач, сто десять тысяч киловатт.

Вдали виднелась техника: бульдозер, вышка.

– Орлы! – с акцентом и отрывисто на ы, шутивно по-армейски гаркнул Костя. – Проволоку из машины... высы-пай! (Солдатики без ретивости вывалили большие мотки.) Сами высы-пайсь!

Покатались, сопровождая себя хохотком, толканиями – баловством. Костя подошел к шоферу, тот уже из машины вылез. Доверительно толковал:

– Вот что, Олонцев, даю тебе три часа. Ты по лесу пошастай, ягоду поскреби. Тара в кабине в рюкзаке. Но чтоб так, литрушка – моя. – Сделал улыбочку. – Вечером кой-кого угостить надобно (солдатик понимающе блеснул зубами). – Построжал. – Да не заблудись – недалеко ковыряй.

– Не первый раз, Аркадич, – уверил солдат. – Бу сделано. – Небрежно кинул под козырек. Костя шумел остальным:

– Ну что, канарейки! На плечо и с песнями!!

Гостиница, где существовал Константин, скорее походила на общежитие, ибо люд преимущественно квартировал вахтовый и командировочный. Обитал Константин в двухместном номере (одна койка по договоренности пустовала) с цветочками – оные хозяин содержал принципиально, как символ несуразности текущего момента – и порядочной стопкой книг на подоконнике. Там же располагался занюханый чайник, сковорода и прочий показатель «красиво живем» бытия. Над одной из коек, обжитой, висел какой-то сюрреалистический натюрморт.

В данный отрезок времени в помещении, помимо хозяина, наблюдался предыдущий лейтенант в мирском, Юра, и две вполне приемлемые молодки. Они и случились Машей, та, что поплонее, с лихим наворотом волос на голове, и Лизой, отчаянной блондинкой уютных размеров с наличием конопушек и веселого голоса. На столе громоздилось соответствующее и происходил задорный разговор.

– А я мечтаю в большой город уехать, – выдала сокровенное Маша. – Магазины, троллейбусы – халява-плиз.

Костя охолодил:

– Мечтать не вредно, хотеть – не надо. Здесь ты по удельному весу больше, так что радуйся.

– Чего ты! – расстроилась Маша. – Наоборот я два килограмма скинула.

– Нехай, если с головы, все равно не впрок, а ежели от сокровенного – уволю.

– Так я наем, если что, – непосредственно соболезнавала Маша.

Лейтенант с Костей засмеялись. Костя ерничал:

– Во-от. Не свое – где лежало, туда и положи.

Кручинилась Лиза:

– Верно, Машка, сгнием мы здесь. Крутишься как музгарка, всяко вынаешься. А на кой – кончится элтэпэшником. Эти ж из себя мудреные.

Воин притянул Лизу, лез к шее, балагурил:

– Курвочка ты моя, дай я тебя в рот поцелую!

Та шутливо заелозила плечами:

– Я не такая, я жду трамвая.

Поцеловав, Юра отслонился и проникновенно умиротворял:

– Бросьте, девчата – мы вас любим. Не жена б, кто знает.

– А Костя не женат! – плюхнула обиженно и пристрастно Маша.

Раздался стук в дверь. Костя открыл и пропустил дородную женщину лет сорока.

– О-о, Любаня, – радушно протянул лейтенант. – Проходи, золотая, угостись с нами.

– Не-е, в тот раз наугощалась. Мало, что начальству кто-то из жильцов капнул, так еще мой учуял – вставил.

– Все в доход, лишь бы не выставил, – порадовался вояка.

Девицы захихикали, Любаня с умеренной улыбкой оповестила:

– Я чего зашла-то. Завтра к тебе, Костя, жильца подселяют, так что приберись. Видишь ли, он может с утра подъехать, а уборщица только с обеда выйдет. Директор наказал предупредить.

Закипятился лейтенант:

– С какой стати! Номер частью на год вперед оплачен.

– Так он к вам в часть и направлен, – объяснила Люба, – гражданский, как и Костя.

Лейтенант схватился за голову:

– Ё-моё, я ж совсем забыл! (Косте) Еще одного прораба наняли, вы теперь линию с двух сторон потянете... – Сокрушался: – Слышь, Костя, тебя на дальнюю трассу ставят, ты теперь по неделе в тайге жить будешь.

Резко возмутились девицы, начали галдеть, запоздало всполошился Костя:

– А почему меня?

– Ну, мы ж с тобой накуролесили – начальство на полную полканов спустило.

– А ты чего не пособил!

– Так мне самому взыскание втюхали.

Шли скорбные междометия девиц, Люба констатировала с внешним сожалением:

– Да, знать-то кончилась лафа. – Добавила уходя: – Вы особенно не расходитесь – чтоб опять бяки не получилось.

Вечером следующего дня придя домой Костя застал на соседней кровати лежащего парня своего возраста. Кучерявый, большерукий, с простодушным взглядом. Встал почтительно, руку тянул, голос вкусным оказался:

– Вот, значит – будем вместе жить. Анатолием меня назвали. Ты – Константин, мне сказывали.

– На Костю откликаюсь. Константин – это когда сплю. Ну и... Толя, соответственно. Я так понимаю, и работать об одном и том же.

– Аха! – порадовался Толя, сияли зубы.

Костя передевался, параллельно тоном наставническим разговаривал:

– С полковником общался?

– Не-а, с майором только. Смурной такой, рыжий.

– Лепихин, комендант. Так вот, полковник приказал причастие изладить. – Костя достал поллитровку. – Чтоб первую до девятнадцати часов, а там – на усмотрение.

– Очень подходящий полковник! – широченно улыбнулся Толя, доставая аналогию. – Что за служба без причастия.

В деле находилась уже вторая. Костя, как человек опытный, вел речь:

– С солдатами надо по-человечески. У нас первогодки – их и старики жмут, и от дома еще не отвыкли. Мирное обхождение – в тонус. Но и без панибратства, начальство работу требует без скидок, рублем укоряет очень запросто. Ты сам-то служил?

– Как раз в стройбате. Техникум строительный после армии закончил – заочно.

– Ну так – здесь все твое. Я-то и армию миновал, и специальность у меня другая. Как тут оказался, история для следующего раза.

– А по пайке и теперь не грех.

Закинув, Костя корчился:

– Хах, скотина – похоже в душу угодила!

Толя подтвердил, закусывая:

– Знамо – в брюхо только первая.

Вкусно забились лианы дыма, в обликах товарищей располагалась любезность. Впрочем, слова доставались Косте с натугой, голос осел, дикция случилась изрядно потраченной:

– Вот я здесь уже скоро год и, как видишь, невредим. – Туманил взор. – Но если честно, дислокация меня не устраивает. Надоело – хоч до домай.

– А у тебя это... кто есть? – Толя получил подюжей: глаза поволокой хоть подернулись, однако голос шел зрелый.

– Баба что ли? – Костя было скривился, но быстро выправился, тосковал взглядом. – Может и есть, только мне о том неизвестно. – Глаза повеселели. – Вот уж чего здесь без дефи-

циту!.. Вообще, место тут злачное – спирта, хоть машины заправляй. Девицы нам уступчивые – доморощенных они почему-то не жалуют.

– И что – парни попускают?

– Попробуй-ка дернись – вся часть в ружье встанет. Ты, кстати, как относительно женского пола? Мигом сообразим!

– Ну... как доведется. Вообще-то, у меня невеста имеется! Я ведь на свадьбу заробить и подрядился. Посулили дерзко. Ты мне на этот счет и обскажи.

– Заработать можно... Слушай, мы тебя под это дело на дальнюю трассу и сплавим – ты сам просись! Там кроме работы делать нечего, а мне деньги жмут и в тайге торчать без резону.

– Это годится!

– Только не сразу. Пару недель мне для блезиру отломать придется.

– Ак ведь ты Костя, тебе видней.

И обратно утро. Набрал сырости, правда, приятель ветерок, щетинка на гребне холма припорошилась туманом, надежно укрылось за угрюмым настом облаков небо. Знакомо суетились солдатики подле машины, лейтенант и Костя курили в сторонке. Костя громко наказывал служивому, стоящему в кузове:

– Наумов!! Харч сразу под палатку сложи – что-то небо мокрое!

Повернулся к лейтенанту:

– Ну что – тронемся... – Покачал головой, сказал понуро: – Н-да, целую неделю в тайге. Сурово! Ну да прорвемся.

Лейтенант жал руку, шутоквал:

– А я еду, а я еду, все в тумане, ветер в мыслях, вошь в кармане. Мама! – я хочу домой.

Костя было отошел, но, вспомнив, развернулся обратно:

– Да, Юр – насчет новичка. Он парень, похоже, ничего. Пока меня нет, может, его подключить?

– Не знаю, сам решай, – без энтузиазма ответил лейтенант.

Костя тоже с легким сомнением пояснил:

– Понимаешь, он кондовый, сюда за деньгой приехал. Невеста у него, пятое-десятое.

Пусть заработает – мне бабки все одно в пролет.

– Приедешь, обмозгуем.

О верх палатки брюзжал дождь. Густой, волглый воздух недобро крался под исподнее. Костя в одежде лежал на раскладушке – одна рука существовала под головой, вторая с сигаретой свисала к полу. Застыл на челе отрешенный взгляд. В углу ребята резались в дурака.

– А такую мадам, схавал?

– Урод, – возмущался пострадавший, – ты ж последнего козыря отдал! У тебя по жизни кроме крестовых ничего не будет! – Собирал взятки.

– Умри, Февраль, не учи отца сношаться (Удачливый перебирал веер оставшихся карт), крести к деньгам. – Он кинул карту под следующего. – На тебе семиту, Панов, чтоб еще день пожить.

– Да клал я на твою семиту! Сверху причем, – парень смачно шлепнул свою.

Костя уныло повернул на голоса голову, смотрел, разомкнулись губы:

– А чего вы Осипова Февралем кличете?

– Так у него в голове не хватает!

Константин улыбнулся. Отвернулся, улыбка медленно сползла, опять упер взгляд в потолок – там теперь чего-то не хватало... Сел, глядел в пол – тоже мимо. Встал обреченно, двинулся к игрокам.

– Тогда раздавай и на меня.

– О! Это по уму, – один из игроков радостно потер руки, – Аркадич карту собьет.

Костя вяло разбирает карты, долдонил:

– Нам бы ночь простоять, да день продержаться. А там суббота...

Суббота. Костя шумно вошел в свою комнату гостиницы. На кровати, читая книгу, лежал Толя. Встал, улыбался, тянул руку.

– Здравствуй, дорогой, – радовался жизни Костя, – ну, как ты тут без меня?

– А чего – пашем, помолвившись. Четыре версты на этой неделе покрыв! – И спросил с неумным любопытством: – А ты сколь?

– Одну вычти. Скотство – болотина попалась, корячились, как в роддоме (Толя не мог скрыть довольство). И по этому поводу мы устроим нынче конец мира! – Сдержанность Толи Костя обескуражил так: – Я угощаю – подлевачил чутка на бензине.

Ресторан местного масштаба – без выкрутасов, но с оркестром. Дядя, например, пышно-усый усердно дул в саксофон – как у людей. Наши соколы сидели вдвоем за четырехместным столиком (зал пока был недобран).

– Привет, Мишка! – сделал ручкой Костя в ответ на приветствие от соседнего столика. Пояснил Толе: – Местный. Я им кой-чего подтягиваю: бензинишко, спиртовое когда... – Костя внимательно посмотрел на товарища. Наклонился к нему. – Слышь? Мы это дело в паре с нашим летехой крутим. Я нынче в отлупе, так что давай ты – свято место...

– Я ведь старой веры, Костя. Как-то... не того...

– Ну, дорогой, у меня тоже Вера была – молодая, правда. Не корысти ради, будущей семьи для. – Костя широко улыбнулся. – Не терзайся – добро-то народное, народу и пользоваться. А мзда – это, считай, государственная дотация.

Уж пусты стали тарелки, казались рисованы маслом лица посетителей – вязконькая дымка лиловела в сумраке зала. Только что улеглась музыка, подошел Костя и уселся за столик, сходу укорил приятеля:

– Что ты, ей бог, как... недоделанный. Пригласи какую – оторвись по полной! Перед женитьбой положено.

Толя застенчиво пожимал плечи, смущенно оправдывался:

– Да я, вроде... не того...

– Выкладывай – присмотрел кого?

Анатолий поник, бубнил:

– Кончай, Костя – не мои это дела. У меня Лида.

– Стало быть, за нее, – благорасположенно согласился Костя, поднимая рюмку.

Выпив, Толя обратился к товарищу:

– Слышь, Костя, я вот обратил внимание. Ты когда отходил, с парнями балакал, на тебя одна шибко пялилась. Знакомая, верно?

– Которая?

– Да вон – в углу сидит с толстым дядькой. Статная такая.

Костя обернулся.

– Светленькая, что ли? А-а – та еще чувичешка. – Возвратил голову. – Вообще-то лично я с ней не знаком. Вот лейтенант наш – проверил... А здесь она известна: по командировочным ударяет... – Щерился. – Глянулась что ли?

– Не-е, – мычал Толя пугливо и напористо. Оправдывался: – Так просто – шибко знойно она за тобой доглядывала.

– Да? – Костя с любопытством еще раз обернулся, оглядел особь. – Таки мы и спросим, какую деталь гражданка рассмотреть желает.

В плотных сумерках, по скромной на архитектуру улице, тронутый убогим светом редких фонарей, передвигались трое – в лужах тонула полоска зари. Константин держал за талию девушку (светлые волосы говорили о выполненном обещании), Толя несколько сзади, отре-

шенно и молчаливо дополнял композицию. Вольного свойства эскапады Кости, отзывчивый хохоток девицы сопровождали путешествие.

– Толяй, дай-ка прикурить! – Костя на мгновение отошел. И близко наклонившись к приятелю, тихонько доказывал: – Ты ситуацию поддержи. Сейчас по порции замахнем, и ты потом на часок свали. Ну, дескать, в красный уголок – кино важное по телеку дают, хотел посмотреть. Я за час управлюсь – отвечаю.

– О чем речь! – вполголоса, но горячо потворствовал тот.

Вошли в вестибюль гостиницы, за стойкой администратора сидела толстая тетка, взяла. Равнодушно глянула поверх очков, буркнула Косте:

– Лейтенант твой звонил, завтра к вечеру появится. – Относительно посетительницы не заикнулась, очевидно, явление обычное.

– Лады.

Вот уж устроилось дело. Номер насытился темнотой, пыжился уголек сигареты – угадывались контуры лиц Кости и устроившейся на его плече девушки.

– Ты видный, на тебя многие девки глаз положили, – объясняла сложившиеся позы претендентка.

– А мне что следует положить? – квело вякнул Костя.

В это время раздался скромненький стук в дверь. Костя шумнул:

– Да-да! Толя, ты? Не заперто.

Крякнула дверь, в просвет застенчиво юркнула фигура.

– Я не помешаю, я тихонько, – шепотом оправдывался Анатолий.

– Да какая помеха, – отвечал Костя. Звучно зевнул, выпростал из-под головы девушки руку, повернулся на бок – спиной к ней.

Утро, пробуждение. Одевание, процедуры, прочее. Сказать есть, особенного стеснения девушка не проявляла: вполне хозяйски и привычно передвигалась по комнате и вне. Впрочем, сам Костя ее поощрял:

– Надюха, чайку сейчас самое то. Сообрази, милая.

– А где что? – изъявила готовность девушка.

– Все на подоконнике.

Пили чай. Толя, улыбчивый и все еще застенчивый, участвовал. Его учтивое внимание к Наде имело место. В конце чаепития Костя изложил:

– У тебя, Надь, какие планы? Я, ты знаешь, даже проводить не смогу – край в часть надо. Собственно, Толик проводит. – К нему: – Ты как?

– Без разговоров, – радостно сообщил тот.

– Прекрасно, только уж поразговаривай.

Надя без тени замешательства объявила:

– Вообще-то, я совершенно домой не тороплюсь.

– Так это просто замечательно, всё в ваших руках. Анатолий Иванович, уж ты давай поджентельмень. А как ты хотел – приличия обязывают!

Толя не в состоянии скрыть удовольствие с улыбкой пожал плечами, доказывая полную готовность. Костя вскочил, поспешно накинул уличное, сопровождал:

– Уж вы не обессудьте – дела. Мы люди военные.

Вечер этого дня получился сырым – за Костей, который подходил к своему номеру, тянулся влажный след. Остановился подле двери, достал ключ, однако в скважину не вставил, а раздумчиво почесал нос. Постучал – за дверью тишина. Еще разок – то же самое. Костя покрутил ключом, вошел – комната была пуста. Беззаботно разоблачился – «ты уехала в знойные степи, я ушел на разведку в тайгу», мурлыкал под нос – пошли предсонные дела.

Утро – родная картина с машиной, солдатами и лейтенантом. Костя лейтенанту, с улыбкой:

- Слышь, а Толя мой туда же – ходочок. Не ночевал нынче.
- Думаешь, с Надежкой?
- Не иначе, где еще!

Лейтенант одобрительно хихикнул:

- В тихом омуте...

Другой вечер – прошелестела неделя – напротив, оказался сух, крепок и вязок, как черемуха.

– Тетя Валя! – шумел, войдя в гостиницу, Костя тетке с вязанием (он в рабочем, понятно, что только из тайги). – Как обещал, напластал твоих трав. Все по науке... – Клал перед ней сверток. – Что мой друган – на месте? Ключ далеко доставать.

– Спасибо, Костик, – благодарно приняла сверток служащая, – жену тебе смирную. – Кряхтя, сунула сверток под стойку. – Чудит твой сосед! Нету, и всю, почитай, неделю не жил. Как ушел с той цапой, так и не ночует... Раз, было, появился – пьянющий в дробоган. Проспал сутки и опять исчез.

Поползли удивленные брови Кости, резюмировал обстоятельство недоверчиво:

- А вот такие мы – на покушать скорые.

Или, скажем, Константин с лейтенантом прогуливаются по улице. Сетует офицер:

- Сегодня, похоже, мы в полете. Машка с Лизой в отпуске – на юга, говорят, укатили.

– Черт, жалко – у меня номер как раз пуст, так и не появляется Толя. Кстати, как он? Я уж и облик его забыл!

– Да артист твой Толя! Бухальщик, оказывается – туши свет. Как случился с той Надей, так и не просыхает. Намедни вообще пару дней задвинул. Турнут его, похоже.

- Хах, надо же! – искренне удивился Костя. – Любовь – зло, станешь и козлом.

Чтой-то мы дюже отклонились, чавой-та мы увязли в Кыштымских дебрях. А как уютно на девятом-то этаже, да в кухоньке с сакраментальной принадлежностью. Таки и возвратимся в начальный антураж. Рассматривал сны Борис, Вадим сосредоточенно внимал Косте. Лицо рассказчика держалось прямо и неподвижно, однако взгляд на слушателя не попадал, был почти трезв и вдумчив, локоть упирался в стол и пальцы возили по подбородку. Тон его оставался умерен, чуть заметная хрипотца прибавляла рассказу сокровенность.

– Вскоре, однако, Толя образумился. Начальство его начало жаловать, потому как пахал парень зверски. Виделись, впрочем, мы не часто, вымолил он себе на дальней точке работать, другой раз даже на выходные не возвращался. Ближе к новому году я из тех мест сдернул.

Костя опустил голову, положил на стоящий перед ним сосуд взгляд, опустил руку, pokrutil за ободок рюмку. Поднял голову:

– Прошло ну... года два. Заделался, значит, я на отпуск туристом, путешествующим по Волге на пароходе. Жизнь – самая стоящая...

По державной реке снуло скользил белый, пригожий пароход. В небе бесцельно маялись пузыри облаков, мельхиоровой рябью блестела вода, настырно верещали юркие чайки. На верхней палубе расположилась компания, в шезлонгах развалились загорелые девицы и молодые люди в купальном. Лениво потягивали пиво, соблюдали беседу либо наблюдали за игроками: за столиком, на котором сосредоточились шахматная доска и часы, сидели Костя и противник. Над доской и часами мелькали руки – блиц.

– Вот дьявол, – обиженно причитал Костя, чередуя с соперником удары по часам и часто заглядывая в циферблат, – по времени попадаю.

Откинулся по окончании своего регламента, сокрушался:

- Согласись, Серега, с ладьей окарался, а выигрыш мой был!

Оппонент, соболезнуя, разводил руки:

– Пива с тебя полящика – как с куста!

Костя, собирая шахматы и набирая озорство в глазах, досадовал:

– Махоркой надо было обкуривать – как Ласкер.

– В ящике двадцать бутылок, – вальяжно отвалившись на спинку стула, уточнял Сергей. –

Разделить пополам – получается десять.

– Как думаешь, в буфете махорка есть?

– Из холодильника я предпочитаю.

– Ладно уж, психолог ты наш, поизгаляйся сегодня, – бормотал Костя, – все одно завтра реванш!

Костя встал, лицо быстро набрало умиротворенное выражение, тронулся к ограждению палубы. Походя, сообщил сидящей девушке:

– Пани, вы нынче невозможная уродка.

– Нахал! – беззлобно шлепнула его полотенцем девушка.

– Ну красотка, Лёль, – наклонился он к ней, – уroda – красота по-польски.

Подойдя к краю палубы, Константин поднял и завалил руки за голову, подставил грудь солнцу. Беззаботно напевал песенку. Отсутствие мыслей и, стало быть, усердный покой благословляли этот румяный час. Парень оперся на ограждение, затеял придирчиво оглядывать народ на нижней палубе. Вдруг напрягся.

– Елки зеленые, – воскликнул он, – никак Толяй!.. – Вглядывался. – Он – точно. – Резво двинулся к лестнице, ведущей вниз.

Действительно, это оказался кыштымский Анатолий. Обратим внимание, имело место изменение облика: светилась седая прядь, бугрили лоб назойливые морщины. Костя подошел сзади, положил на плечо приятеля руку, объяснил жест:

– Или здорово жисть, или я – последний с краю.

Толя развернулся – движение ровное, степенное. Узрев Костю, тотчас поплыл лицом:

– Вот уж никак не ожидал. – Молодой человек был явно ошарашен, качал головой. –

Надо же, где встретиться довелось! – Тряс Костю за плечи. – Ну здравствуй, братишка!

Костя, сильно улыбаясь, откидывал голову назад, клал ее в стороны, рассматривая:

– А ты, парень, изменился, – установил голову, простил: – Ну да всё в дом. Во-первых строках – ты как здесь, и почему я тебя раньше не видел? Я на корабле с первой пристани.

Толя обстоятельно докладывал:

– Так это, вчера сели, в Самаре. Мы до тетки, пару остановок – решили поглядеть на Волгу. – Спыхватился: – Ты вот познакомься. – Отодвинулся и открыл молодую женщину непримечательного облика. – Это и есть Лида... ну, я рассказывал (легкое смятение пробежало по лицу). Была невеста мне, а теперь жена. – Объяснил Лиде: – Вот он самый – Костя. Я писал, по Кыштыму напарник и душевный человек.

Костя кивнул головой.

– Наслышан, наслышан – настолько, что именно такой и представлял... Прокатиться на пароходе – это вы верно надумали. Природа обалденная! – Бросил взгляд на берега. – Да и с погодой угадало. – Повернулся к Анатолию. – Давай, рассказывай – почем и какого рожна!

Вдруг с верхней палубы раздался возглас, сделала его миловидная девушка:

– Костя, ты куда мою сумку подевал?

– погоди! – аккуратно крикнул ей Костя. Опустил взгляд к Толе. – Слушай, вечером посидим? Тут (сделал оправдательную улыбку) надо отлучится.

– Ну, о чем речь!

Костя, отходя, шутливо погрозил пальцем:

– Готовь обстоятельный отчет за прошедший период.

Вечером Константин и Толя стояли на самом носу парохода. Золотом сияла величественная лава реки, шаял изрытый оспинами воронья и подпаленными струпьями облаков закат –

красота сумасшедшая. Костя жадно набирал происходящее в глаза, прикладывался изредка к бутылке пива, говорил искренно:

– Ну что, я за тебя рад безмерно. И папаней стать – это ты клёво придумал. Сколько еще говоришь – три месяца попусту ходить?.. – Сделал глоток из бутылки, глядел беззаботно вдаль. – А я не созрел. Впрочем, есть предмет. Прежде всего, Галина зовут, а это, брат, имя женское... – Лицо Кости набрало серьезное выражение. – Понимаешь, надо жениться, иначе изотрусь. А Галка – девка подходящая. Я на тебя с Лидой нынче посмотрел и умиление царапнуло. Рад, словом!

– Да, Лидок у меня вещь, – проговорил Толя тускло. Повернулся, голос чуть приподнялся. – А что за парень все с тобой – друг?

– Приятель. Он хоть и земляк, но познакомились здесь, на корабле. Классный чувачек, Сережка Шумахер – белая кость... (Погорячее) Слушай, но как он девиц снимает – уж на что я не последний, а до него далеко! Впрочем, психотерапевт, даже гипнозом владеет.

– Нда, психика, – тихо проговорил Толя. Поник головой, помолчал, вздохнул тяжело. – А с Надюхой-то... в Кыштыме... – В голосе появилась хрипотца. – Сволочь я!

Костя попытался сбить:

– Брось, Толик! Обычные дела. Не тем тратились, за которое казнить можно.

Стояло непростое молчание. Наконец Толя поднял голову и начал. Первые фразы дались трудно – говорил хрипя, ломая голос:

– Вот что, Костя, это хорошо, что я тебя встретил. Боле рассказать некому, а держать шершаво... – Откашлялся, голосовой механизм набрел на чистый звук. – Что там со мной произошло, сам не пойму. Дым! По сию пору... начинаю вспоминать – дымка...

В уральском городке Кыштыме произошла поздняя осень. Небо висело гадкое, с безразмерной, тянущей на пашню тучей, едва зеленоватой и будто прокисшей, казалось, солнце навсегда утонуло в ней и жизнь мало что сулит. И ветер шел недобрый, мокрый, чудилось, туче мало погубленного солнца и она дышит недугами, скверным отношением к людям. Подобной обязанностью были наделены грубые, скользкие звуки. Наконец длинные и повсеместные лужи морщились и сильно вносили впечатление одра в окружающее.

В осени состоялась убогая однокомнатная квартира. В ней присутствовали рассохшийся пол с вытертой краской, беленные без рисунка облупленные стены – в углу ерзала скисшая паутина. Существовали: стол без скатерти, три стула (один комольный), громоздкий, но без видимых изъянов шкаф с зеркалом в частых родинках. Со стены обиженно ворчал приемник – телевизора не наблюдалось. В комнате находились Анатолий и Надежда. Она в домашнем халате полулежала на кушетке (голова опиралась на вертикальное предплечье), неприбранные волосы лазали по лицу, мутный взгляд рассеянно и вяло ездил по полу; Толя в майке и мятых брюках (тапки на босу ногу) мотался по комнате.

– Не уезжай. Ты знаешь, я не могу одна, – говорила девушка, голос выбрался недужный.

– Ты совсем рехнулась, – раздраженно доказывал Толя, – это же военная часть! Пусть я гражданский, но начальство-то – служба! – Опал. – И без того почти неделю прогулял – спасибо, Костя лейтенанта нашего уговорил поручиться. Нет, никак не получится.

Скрипел пол под ногами мужчины, нудило радио.

Надя села, убрала с лежака ноги. Молчала, лицо было пустым. Неожиданно глаза расширились (взгляд не отставал от пола), пальцы часто задвигались, царапали кушетку – визгливо, неприятно отчеканила:

– Я не мо-гу од-на!!

– Заткнись! – Толя остановился, злобно развернулся к ней. Вдруг подскочил, лицо перекосило ненавистью. – Ты же мне всю душу вымотала! Ты же... – Тряс перед своей грудью сжатые кулаки. – Сссука!!

Надя вскочила, глаза безумно горели. Истекала суровой руганью и самыми отчаянными пожеланиями. Неутоленная, яростно, вытянув руки с растопыренными пальцами, кинулась на Толю – рычание, визг. Толя ловко перехватил, бросил ее на кушетку, придавил коленом – не особенно, впрочем. Вскоре отпустил и отошел... Надя рыдала, конвульсии били тело, захлебываясь слезами, тяжело, до рвотных судорог, пустых, закашлялась... Изможденная, встряхиваемая остаточными конвульсиями утихла. Перевела рыдание в нытье.

Толя сидел на стуле, руки безвольно бросил между колен, взгляд намертво упер куда-то рядом с женщиной. Она грузно села, подняла зареванное, обезображенное лицо.

– Пожалел бы, я же беременная.

– Ну и что? – устало, глубоко вздыхая, кинул Толя. – У меня мать тоже беременная была.

– Так... ничего, – Надя халатом вытерла слезы.

Толя встал, снова тяжело вздохнул. Безжалостно, ровно, монотонно талдычил:

– Ты мне пузо свое не суй. Кто в тебе, неизвестно. Я ли, Костя – а может, член с горы Магнитной... – Тон стал назидательным, в голосе завелись акценты: – Ты тут сама решай, а у меня невеста есть. Я так думаю, через полгода оторву отсюда. Рыло на этих заработках не наешь! (Без сожаления) Да и какие с тобой деньги – ты меня не то что в кисель, в брагу превратила.

Теперь вздохи пошли со стороны Нади. До слов, правда, они не разогались. Толя посветлел:

– Не понимаю я тебя, Надюха. О чем ты думаешь?

Надя склонила голову, смотрела без адреса, на лице появилась слабая виноватая улыбка:

– О чем думаю? Да вот, думаю – сдохнуть или еще пожить!

– Вопрос, конечно, интересный, – Толя скалился, исподлобья поглядывал на Надю. – Шекспира на тебя нет.

Надя посерьезнела, коротко бросила:

– У нас выпить что осталось?

Толя развел руки, пожал плечами – сарказм, недоумение, осуждение читались в тоне:

– Как ты рожать собралась!?

Зима, вечер. Вынырнет хилый месяц из мерзкой трясины неба – и того захлестывают лохмы бесноватых облаков. Мечется, стонет неприкаянная поземка. Толя, скукожившись, нырнул в подъезд дома Нади.

Разоблачился в прихожей, прошел в комнату. Она была тускло освещена настольной лампой, стоящей на тумбочке. Кушетка застелена спальным бельем, под одеялом виднелись контуры неподвижного тела. Толя зашел на кухню, выгружал на стол принесенное. Открыл холодильник – высветилась одинокая недопитая бутылка портвейна.

– Опять бухая, – обреченно констатировал он, в глазах тихо загорелась безысходность.

Развернул припасы, поставил на огонь сковороду. Что-то сложил в холодильник, закрыл его. Замер, задумавшись, снова открыл и достал бутылку... Толя выключил светильник, на стенах мерцали причудливые тени. Забрался за Надю, залез под одеяло – она не реагировала.

Глубокая ночь, слабые блики, рожденные непонятно откуда взявшимся светом, лежали на лице Анатолия. Он вдруг резко открыл глаза, взгляд оцепенел, чуть повернул голову. Точно – шли слабые, странные звуки. Резко повернул голову, место рядом с ним было пусто. Собранно сел, внимательно вслушался. Откинул одеяло, встал, включил верхний свет – от кушетки тянулся в ванную (смешанный санузел) мокрый след.

Анатолий осторожно подошел к двери, наклонился, слушал. Открыл дверь. На полу, с закрытыми глазами, с обликом предельного изнеможения, в ночной рубашке, привалившись к стене, сидела Надя. Вокруг лежали пятна крови. Толя резко упал на корточки, непомерный

испуг бился в глазах; оторопь вязала рот – вываливались какие-то нелепые звуки. Можно было различить:

– Надюша, что же... ты давай... того... – Он пытался растормошить женщину, и видно было, как трудно дается ему прикосновение. – Ты тут давай... не того.

Надя очень тяжело, медленно открыла глаза. Ясно, упруго смотрела в человека. Голос был неживой, слово тяжелое, роняющееся:

– Ты... уйди. Я сама.

Толя встал, мина испуга не исчезла. Он повернул голову... и увидел. В унитазе, прямо в сливной дыре торчало некое, как бы покрытое живой пленкой. Это некое было сморщенным, несуразным. Верхняя часть – круглая. Различались черты лица: определенное подобие сомкнутых глаз, носа. Вот нечто – горизонтальная полоска, напоминающая рот. И это нечто... шевелилось.

Дикий, нелепый писк вырвался из уст мужчины. Он наотмашь ударил ладонью Надю по лицу, опрометью выскочил из ванной.

Метался по комнате – суетились руки, тряслись губы, голова вжалась в плечи, гримасы крайних чувств сменялись на лице. Горло издавало какие-то суматошные, раздрипанные звуки... Вдруг резко остановился, возникла ответственная осанка, сосредоточился взгляд – голова несколько склонилась в тяжелом раздумье. Толя подошел к двери, поднялась рука, выдавая намерение постучать – остановилась. Открыл дверь, Надя находилась в прежней позе. Наклонился, взяв подмышки, начал поднимать женщину. Она помогала. На руках отнес ее на постель, накрыл одеялом. Надя, устроившись, закрыла глаза и замерла.

Склонился, коротко и нежно тормошил, неуверенно говорил:

– Надь, я скорую вызову.

Она резко открыла глаза, на мужчину взгляд не попадал.

– Не смей! – голос был четкий, ответственный. Глаза тотчас закрылись, оставив непрекаемое выражение лица.

Анатолий сел на стул, локти упирались в колени, сильно глядел в пол. Встал, медленно подошел к двери ванны, замер – все так же угрюмо взгляд бил в пол. Голова поднялась, на лице возникло нечто возле улыбки – усмешка над собой, демонстрация подчинения обстоятельствам – отошел, расторопно проследовал на кухню. Достал бутылку, внимательно разглядывал остатки. Пил из горлышка – тягуче, до конца.

Стена в забытых полынках, немой радиоприемник, слабые конвульсии паутины – небытие. Толя безучастно сидел за столом на кухне. Владела неподвижность – подпирал ладонью подбородок, глаза слепо смотрели – держалось высокое выражение умиротворения. Впрочем, пальцы свободной руки выстукивали вполне стройный ритм.

Вдруг из комнаты донеслись неясные звуки. Толя медленно, нехотя перевел взгляд туда. Трудно встал, направился... Надя медленно ерзала по кушетке, издавая странную череду звуков – кряхтенье, стон, обрывки слов. Глаза широко раскрытые и неподвижные выдавали боль.

– Что? – участливо спросил Анатолий, сел рядом. Двинулась рука с намереньем прикоснуться, но угадала на живот – замерла не доходя, отодвинулась.

– Н-не знаю... – Голос удался заполошным, дрожащим. – Кажется, второй идет.

Толю стиснуло оцепенение, изморозь прохватила лицо. Впрочем, недолго. Он встал, глядел на Надю, молчал – явно не знал, что делать.

Вдруг она широко, неестественно взвилась, рык вырвался из горла. Однако тело видимым усилием воли вскоре набрало нужную позу. Села, развернулась, пытаясь встать. Толя бросился помочь, Впрочем, подхватив под руку, усилия не делал, боясь причинить плохое. Надя поднялась, гримаса боли искажала лицо, но голос был четкий, хоть и глухой:

– Ты со мной не ходи, я позову.

Толя, придерживая, проводил до ванной.

– Давай скорую все-таки вызовем, – звук получился нерешительный.

– Не вздумай! – зло сказала роженица, закрыла за собой дверь.

Человек стоит посредине комнаты, глаза полуприкрыты, руки немилосердно трут лицо, вырываются глубокие, шумные выдохи – бессилие, страх, отчаянье смешаны в нем... Опадают руки, подходит к двери на балкон, открывает настежь. В комнату врывается злая ночь – далеко всполохнулись занавески. Анатолий неподвижен, глаза, не мигая, смотрят в мглу.

Прошло время. Надя лежала на кушетке, под одеялом. Глаза были закрыты – вряд ли она спала. Толя, уже в одежде, сидел за столом в комнате. Руки были сложены, как у ученика за партой. Сеял слова:

– С Лидой дружить начали класса с шестого. Вообще-то, мы соседи – их изба через проулок. А чего ты хочешь, в деревне так заведено, родители вместе – и дети! И потом, у нас полдеревни староверы – кержацкой породы. Нас, почитай, уж годам к пятнадцати сосватали... А чего, девка она справная – коса, то-се. Хотя... пишет, что волосы обкорнала... – Покаянная улыбка мельтешила у Толи, взгляд двинулся к кушетке. – Но если честно, мне в армии одна девчонка нравилась, дочка нашего майора. Похоже, и она меня привечала. – Поспешно оправдывался: – Только не было ничего!

Мужчина убрал взгляд, в сужившихся глазах он стал холодным. Молчал. Поинтересовался:

– Ты как?

Вопрос, вероятно, застал врасплох, женщина растворила очи, соображала. Нашла ответ, неуверенный:

– Нормально. – Пояснила: – Глаза болят, ровно давил кто... И тело горит, будто кожи нет.

– Ты бы заплакала, – предложил Толя, тотчас, впрочем, поник, веря в бесполезность просьбы.

Надежда опустила веки, но ненадолго. Говорила сурово, отчетливо:

– Ты вот что... ребят бы надо на балкон вынести. Вообще прибраться. Займись-ка.

Толя послушно тронулся к ванной, остановился. Развернулся, зашел на кухню. Порывшись, достал матерчатую сумку. Вытряхнул из нее сор. Деловито двинулся в санузел.

Сумка наполнилась содержанием. Когда судорожно открывал тугую дверь балкона, предмет несколько раз тупо ударился о подоконник. Угрюмо дохнула спекшаяся ночь. Снова с безучастным лицом шел в ванную, убирался – отчего-то одолела мания порядка. Далее в прихожей размеренно надевал пальто, шапку, сапоги.

В проходной военной части заспанный дежурный узнал не враз – и верно, шарф перекашивал половину лица, от лилового уголка рта безобразно чернела глубокая морщина, пустые глаза сосредоточились на конце носа, из-под шапки уныло торчал клочок волос. В казарме долго ковырялся в замке некой двери – здесь содержался строительный скарб – долго и зло рылся в закромах. Наконец победно поднял на свет трехлитровую банку со спиртом – глаза потеплели.

Миновали три дня. Анатолий сидел за столом комнаты, изрядная рыжеватая щетина заслоняла лицо. На столе неряшливо лежали объедки, в банке отсвечивали остатки спирта. Движения получались квелими и бесцельными, взгляд скверен. На кушетке периодически барахталась – надо думать, в попытках подняться – и издавала жалобные звуки Надя. Толя соучаствовал, бросая взор, глядел безмятежно. Убирал глаза.

– Вот заработаю деньги, – мечтал человек, – и махнем мы с тобой в Сочи. А чего! – как два пальца. Я работаю, Надь, как... как!.. не знаю кто... – Губы кривились в кислой улыбке, веки мигали замедленно, с томительной периодичностью.

Уяснив, тем временем, безнадежность попыток, Надя стремительно увяла – правда, решение пришлось на движение изворотливое, отсюда теперь поза была совершенно немислимая.

– Представь, галька, пальмы всякие. Это тебе не ля-ля-тополя! Куплю коры остроносые – армяне делают. А тебе широколобую шляпу.

– Широкополюю! – обиделась Надя. Голос, между прочим, был достаточен.

Толя остался несибаем:

– Пускай! Все равно куплю... – Плотноядно продолжал разворачивать перспективы: – И на пароходе прокатимся. Потому что белый. И в дендрариум зайдем – мне про него кореш по армии рассказывал... – Толя сник. – Я ведь на Даманском, под Хабаровском служил, в погранвойсках. Воевать не довелось, но повидал косопузых. Эх, время было!.. – Улыбался, опуская взгляд на стакан. – Ну ладне – бог на рюмку, я на край, пей, Толяна, не хворай.

Надя, между тем, отыскала решение. Если прежде она пыталась сесть рывком, но туловище перевешивало ноги, то теперь придумала ловкий способ. Рационализатор подползла к краю кушетки, свесила руку и уперла ее в пол. Одновременно то же самое проделала с ногой – получили две точки опоры. Остается отыскать еще одну: как мы знаем, треугольник есть бескомпромиссная по устойчивости опорная фигура. Правда, тут произошла задержка. Действительно, чтобы приспособить еще одну конечность, приходилось временно находиться на двух – а это чревато. В общем, Надя свалилась на пол. Ну, а уж тут-то – весь мир наш... Толя с пониманием наблюдал за экзерсисами подруги.

Как ни странно, поднявшись, Надя быстро обрела пристойную координацию – подошла, вполне надежно села за стол. Рука тут же механически поймала пустой стакан, вслед этому сосуд, скребя стол, двинулся ближе к банке. Надя молчала и сосредоточено смотрела на вождение. Все являло просьбу налить. Толя тоже молчал – изучая, рассматривал знакомую... и не делал никаких движений. Надя, уяснив намек, без слов убрала стакан. Поникла... Вдруг в ней зацвела сублимная улыбка. После невеликого молчания разговаривала:

– И зря ты так говоришь. Все я рассмотрела, парень были и девочка. Парнишка – первый. – Умильно тянула: – Волоса-атенький...

Лицо налилось обиженной миной, канючила:

– Граммулю всего! – Повторились манипуляции со стаканом. Результат остался тот же.

Надя встала – теперь ее пошатывало. Легла обратно на кушетку. Закрыла глаза, замерла. Ее отчетливый голос распахнул тишину:

– Похоронить бы ребят надо!

Вечер, а то и ночь – окрест гиблая мгла. Однако по могильным оградкам, высветившимся от неверного света неба, можно предположить кладбище. Толя, сильно и часто дыша, долбил ломом спекшуюся землю.

На палубе парохода на фоне кровавого заката стояли Костя и Анатолий.

– Вот, – Толя указал рукой и пошевелил пальцы ноги, – ноги отморозил. Теперь боли не чувствую.

Костя, вкось опиравшийся на перила палубы и безотрывно смотревший на приятеля, переменил ногу. Отвернулся:

– Грубые прикосновения действительности...

Рассказ, если вы помните, начался в квартире. Она – существует. Борис, видимо, давно проснулся и вошел в канву истории, ибо трезво и внимательно, как и Вадим, смотрел на Костю. Именно он и предложил, поднимая стакан:

– Нда... давайте – не чокаясь!

Происходил шикарный весенний день: сверкала дородная сосуля, заходились птицы, гулял тяжелый и любезный воздух – ярмарка адреналина. К дому, где живет Вадим, подъехало такси, оттуда вышел он – с вместительным баулом, радостно-напряженный. Авто отъехало,

а Вадим не торопился: насыщался, набирая взглядом местность – очевидно, что человек приехал издалека.

На звонок принеслась открывать молодая Ирина. Бросилась на шею Вадиму – любя, талдыча:

– Наконец-то! Господи, Вадька, как я истосковалась!

Мельтешила теща, елейно талдычила относительно того, что зятек соизволил припереться, дабы заняться сыном и вообще семьей. Существовала молчаливая солидарность Вадима с тем, что он – хороший человек («что могут слова», светилось в счастливой физиономии). Далее шла суетня с самим сыном, двухлетним бутусом, который принимал дядю, как очередную игрушку, и неизвестно еще – адекватного ли достоинства.

Достаточно снабдившись первыми впечатлениями, Вадим уселся на диван, выражения лица и глаз, каждая часть тела орали о состоянии предельного достижения.

– К черту! – после минуты упоения высказался Вадим. – Отныне я больше чем на неделю из дома ни-ни.

– Да уж, папуля! – согласилась Ирина, разбираясь с вещами Вадима. – Год ты нас помурзил, хватит этих экспериментов... – В ней проснулась женщина, практический взгляд стрельнул в Вадима. – Ну что, как ты и звонил – все нормально?

– Да, – каждое слово было наполнено покоем, – всё чики-чики.

Заканчивался обед, теща уже вышла из-за стола, собирала и мыла посуду. Вадим и Ирина еще сидели, ненасытно поглядывая друг на друга. Ирина попыталась помочь, собирала последнее, но теща пресекла:

– Оставь, я сама! Идите лучше сыном занимайтесь.

– Он спит, мама!

– Ну, либо отдохните. Вы мне на кухне не мешайтесь – брысь отсюда!

Улыбаясь, трогая друг друга, молодежь удалилась.

Они стояли на балконе, оба курили. Ирина прислонилась, рука лежала на плече Вадима, он бормотал, все еще не веря:

– Надо же – бывают ведь в жизни минуты! – Переполненный глядел в просторы. После паузы повернулся к жене: – Ну что, вечером в ресторан?

Ирина скептически шевельнула щекой:

– А надо? Может, дома посидим? Ты, я смотрю, за границей привык. В общем, как хочешь.

– Так деньги жмут, хочется шикануть – год, все-таки, аскетствовал! – Озарился мыслью: – Костяру с Галиной подключим – столько не виделись!

Ирина оживилась:

– Слушай, у Кости вроде какие-то приключения! Я толком не знаю, там темное. Звоню, Галка несуразицы толкует: больница, еще что-то.

Вадим – удивление, переходящее в испуг.

Вадим звонил в дверь квартиры, открыла молодая женщина. Увидев пришедшего, приветливо распахнула дверь шире:

– О-о, потеря! Проходи, Вадик, наконец-то прибыл!

Тот переступил порог:

– Здравствуй, Галочка! На вот – тебе. – Подал цветы. – Ну, где этот змей?

– Так он еще с работы не пришел! Звонил, что задержится, но вот-вот придет. А ты чего предварительно не предупредил? Когда приехал-то?

– Вчера... Предупредить? Да что-то на сюрпризы потянуло.

Они сидели на кухоньке – коньяк, хорошее вино. Вадик повествовал:

– Авантюрой мой контракт оказался по большому счету. Инфляция видишь какая? – а в договоре цифры год назад прописаны были. Они, конечно, корректировались, но... Англий-

ский, правда, выучил. По мыслям кое-что нарыл, только сейчас это мало кому нужно. Гляжу в телевизор – Лени Голубковы, шоу-бизнес, сердце падает. Жизнь несется, а я опять, похоже, не успел... Кстати, Костя писал про кооператив какой-то.

– Кооперативы – это прошедшее, теперь по-другому называется. Как раз с переформлением возится. Что-то по строительству – я толком не понимаю. – Видно, что Галя говорила неохотно. – Колотится, как видишь, днями и ночами, а прибыли особой нет... – Сбилась: – Как Артемка? – я его полгода назад видела.

Вадик охотно подхватил:

– У-у, этот мужик суровый. Дядя, говорит, ты мне думать не мешай.

Засмеялись. Вадим:

– А что там о больнице какой-то Ирина сказывала?

Галина потемнела, мялась:

– Так... немного прихворнул. Придет, сам расскажет... – Она странно замкнулась, убрала глаза. Вадим деликатно занялся раздачей хмельного. Галина послушно взяла рюмку, поднесла к губам, но убрала здесь же. Горло натужно вытолкнуло: – Ты, Вадик, его не спрашивай. Пони-маешь, я испугалась, сдуру обмолвилась Ирине. А он не велел, сердиться будет. – Посмотрела на часы, с сердцем бросила: – Господи, да где же он!

Вадим испуганно пялился на Галину. Положил свою руку на ее, приказал:

– Ну-ка давай рассказывай!

Галина глядела в стол, нерешительность лежала на лице, поминутно поправляла волосы, что передавало даже и волнение. Неожиданно лицо расправилось, за суровым выражением просматривалось преодоление:

– Плохо дело. В психушке Костя побывал! (Вадим отпрянул.) С полгода назад случилось. Что-то с ним начало происходить, дерганый какой-то стал, закрытый. Думала, с работой связано – нет, там, напротив, складывалось... – Галина замолкла, потупилась. Выпростала: – Ночью произошло. Слышу – звуки странные. Просыпаюсь, свет включила. Он сидит на кровати и тихо смеется. Глаза невменяемые, смотрят куда-то в точку... Я торможу – что, дескать? А он смеется... Потом говорит: над всей Испанией безоблачное небо. И так несколько раз подряд... – Галя, видимо, представив эту картину, оживила лицо, прижала к груди руки. – Я так испугалась! Побежала к соседке – она что-то понимает – скорую вызвали! В общем, увезли Костю.

Стояла тишина. Галя, глядя в стол, сосредоточенно молчала. Вадим безотрывно смотрел в нее. Вопросил:

– А теперь?

Галя оправила кофту, беззаботно уронила:

– Да нормально! – Сделала мечтательный взгляд, едва ли не ласково объяснила: – Бывает, конечно. Ночью вдруг заскулит, как волчонок. Думаешь, во сне? Нет, глаза открыты. Спросишь, что? – еще хуже, скулит. А промолчишь – перестанет. – Заключила тихо и быстро: – Ну и... осунулся – чахнет.

Вечером того же дня Вадим нервно ходил по комнате у себя дома, взвинчено передавал Ирине (та, прижав к щекам руки, внимала):

– Он, когда явился, так мне обрадовался! А я в себя прийти не могу – Костя, такое! – Вадим остановился, удивленно жал плечи. – Вообще-то ведет себя совершенно нормально – другой расскажи, я бы не поверил... Но действительно, похудел страшно.

Ирина предположила:

– Может, что-то по наследству передалось? Это, я слышала, бывает.

Вадим растерянно вздернул губы:

– Мне он ничего такого не рассказывал.

Оба удрученно собирались ко сну. Вдруг Ирина замерла, напряженное воспоминание передавало лицо. Полно повернулась к Вадиму, глаза были широко открыты, она – взволнована:

– Послушай-ка! А ведь было дело, странно повел себя раз Костя... Почти год назад, ты только уехал, зашли они с Галкой – уж и не помню по какому поводу. Ну, сидим, чай пьем. А накануне фильм давали – испанский... м-м... как же название?.. Нет, не помню. В общем, там отец, чтоб спасти себя, намеренно топил сына. А потом не вынес – покончил с собой... Пообсуждали с Галкой, и тут дернуло меня – кино, дескать, но и в жизни не слабо бывает. И к Косте, мне Вадик рассказывал про твоего приятеля в Кыштыме. Тоже, мол, история. Так вот ты знаешь, Костя так странно отреагировал – мне показалось, что он испугался. Точно! Он и чай не допил, утащил Галку.

Вадим молча таращился в Ирину. Та осела на стул.

– Вадь! Да не про себя ли он рассказывал?

Весна окончательно разъярилась – налились листья, сирень умащивала глаз, сверкали голыми ногами женщины. К обочине тротуара подъехало авто, из него вышел Костя. Да, он худ, как-то изможден, что особенно просматривается во взгляде. Обошел машину и смотрел на колесо – оно было спущено.

– Твою мать! – сердито рассудил Костя.

Взял ключ, открыл багажник, зло хлопнул себя по бокам, восклицая:

– Ну в гробину же так – и запаски нет!

Установив машину на домкрат, Костя взялся бортовать проткнутое колесо. Изрядно покорячившись и управившись, пустился накачивать. Наконец тронулся. Вдруг где-то под сердцем, в пустоте, словно вспыхнула дородная спичка, острое пламя коснулось тканей и, уцепившись за них, резво побежало, точно круг по воде. Скоро полыхала вся грудь. Голова прынула, скорчилось от боли лицо, рука комкала рубашку. В сомкнутые до узкой щели глаза пробивался мучительный и испуганный взгляд. Костя с перекошенным лицом остановил автомобиль, тер область сердца...

Перед тем как войти в палату Вадим выправился, разгладил физиономию, внес зазорное в глаза. Комната была на четыре персоны, подле окна в одежде поверх одеяла лежал Костя. Он находился на боку, от окна отвернулся – руки были зажаты между колен, угрюмо вперился в точку. Увидев Вадима, оживился, сел. Вадим, кладя на тумбочку принесенное, сходу оправдывался:

– Только сегодня пустили. Рассказывай, как все случилось?

– Верно, я в реанимации лежал. А чего рассказывать – инфаркт.

– Рановато вроде, – осторожно посомневался Вадим.

– Лучше рано, чем никогда, – пытался бодриться Костя. И отрешенно: – Впрочем, в самый раз. Давай-ка ты что-нибудь поведай!

– Слушай, мне тут идея подвалила – мы с тобой агрегат один спроворим...

Когда Вадим шел по коридору, выйдя из палаты, его окликнул врач:

– Молодой человек! Вас можно на минуту?

Стоя напротив, врач советовал:

– Понимаете, микроинфаркт, разумеется, есть. Рубчик невеликий, всякое такое...

Но у меня создалось впечатление, что здесь больше психического – я уж его жене говорил. Что-то с вашим товарищем не то. Участие, я убежден, вот лучшее лекарство.

Очередное посещение. Вадим расположился на табурете подле Кости. Тот полусидел на кровати, откинувшись на подушку, поднятую на спинку – вид его был неважный... В комнате они остались вдвоем – остальные больные, как видно, принимали променад. Вадим, несколько взволнованно достал несколько листов, говорил комкано:

– Я тебе обещал показать. Там, за границей накропал. Ирка даже не знает... Вот, к примеру – называется «О женщине». – Легко откашлялся, начал читать стихи.

Вадим закончил, установилась вопросительная тишина. Костя хоть и вяловато, но с душой мирволил:

– Неплохо! Я, конечно, не разбираюсь, но поэзия есть... – Костя отвел глаза от Вадима, смотрел далеко. После паузы произнес глуховато, нехотя: – Ты вот что, Вадька... потом обо мне напиши.

Вадим убирал листок, видно, что он находился все еще под впечатлением от действия; вдруг его прокалило, он взбросил взгляд на Костю. Вырвалось:

– Когда потом?

На лице Кости образовалась виноватая улыбка, глаза не попадали на Вадика, голос получился не выверенный:

– Ну... потом.

Вадим, плотно сомкнув губы – обострился нос – неотрывно и смятенно смотрел в Костю.

Дома, нервно вышагивая туда-сюда, запальчиво доказывал Ирине:

– Он сдался! С ним – что-то! Знаешь, какую ахинею нес? Ты, говорит, потом обо мне... – Стушевался, замолк (стеснялся, надо полагать, рассекречивать поползновения).

Ирина заполошно бросила руки на грудь, сугубо по-женски бухнула:

– Точно, Вадик! – та история с младенцами!

– Тыт! – отмахиваясь в возмущении, коротко выкрикнул Вадим. – Прекрати ты! – Успокоился, сник. Тут же взбодрился мыслью, лицо выражало одержимость. – Елки-моталки, чем черт не шутит! Попробую-ка я.

Вадим и Костя находились в больничной палате в знакомых позициях.

– Я тебе раньше о ней не рассказывал, потому что в эти штуки не верю, – толковал Вадим. – Только у нас в роду с этой саблей такие предания связаны – куда бежать! У деда Алексея она лежит... Суть вот в чем. На ней есть надпись (Вадим подал Косте бумажку). Но она – видишь? – полустертая и... заковыристая – там, допустим, и латинские слова присутствуют. Ни черта, в общем, не понять. А дело такое – по преданию, тут записаны слова то ли заповеди, то ли хрен его знает. И если это с чем-то совпадет, то что-то произойдет. – Вадим улыбнулся. – Я так думаю, лазейка в рай отворится... – Вадим посерьезнел. – Понимаешь, дед безоговорочно в это верит. Он давно хотел к грамотным людям обратиться, все руки не доходили. Короче, ты на шарады ловок, так что работай. Хочется дедулю потешить.

Уже в ходе монолога Вадима Костя начал внимательно рассматривать листок, после окончания бормотал:

– Владе... ну тут либо владеть, либо владеющий... Черт, практически ни одного полного слова. Ве-ный, верный? Вечный, однозначно, – Костя устроился поудобней – нет сомнения, в нем зажегся интерес. Бегая глазами по бумажке, бормотал нечто бессвязное. Проворчал, повернувшись к другу: – Тут надо точно знать, сколько букв пропущено. Ты расстояние пропусков соблюдал? – Обратил упор в начертанное, бормотал.

Вадим пояснял:

– Понимаешь, там две надписи: с одной стороны шашки на латинском, и здесь вообще ничего не разобрать. Только одно слово более менее прочитывается – Орфиреус что ли. Надпись по-русски – с другой. Впрочем, и там есть латинские буквы. – Тыкал в бумагу пальцем.

Костя решительно отвел написанное от глаз, приказным тоном сказал:

– В общем, нужно увидеть саму саблю.

Полюбопытствуем и мы. На бумажке Вадим каллиграфически вывел:». владе... *трэ вит* (выделенное написано латинскими буквами).. открыт., что... то, на...то... ерля,бре..., чего. ет... ве. ный..... ась дв..... р...».

Лупило лето. В знакомом нам гараже возился Вадим. Возникла чья-то тень, Вадим обернулся. Стоял Костя, загорелый, не набравший еще себя прежнего, но оживший. Вадим возопил:

– Костя! – прынул к нему, но остановился, объясняя остановку поднятием грязных рук. – Ты когда приехал?

– Вчера.

Вадим вытер руки.

– Ну, рассказывай – кого похвалил и как?

– А чего рассказывать? Санаторий, все убогие – спишь да ешь.

Знакомая по первой главе комбинация: три табурета (два под нашими друзьями), и третий с причиндалами (бутыль почата) между ними. Константин толкал:

– Заколебала меня твоя шашка. Я тут через нее в такую мистику ударился – куда бежать! Во-первых, не даётся надпись, притом что покопался я ответственно. – Замолк на мгновение, плотно сжав губы. Разомкнул. – Понимаешь, вот это словцо, Орфиреус. Помнишь, когда вместе в институте работали, Борька Лямин вечным двигателем грезил? Он ведь литературу по его истории собирал. Про Бесслера все твердил – дескать был в семнадцатом веке эпизод, создал Бесслер двигатель... Так вот, Орфиреус не что иное как латинизированная криптограмма Бесслера, под этим именем он и действовал. Вообще говоря, многие его прохиндеем считают, и небезосновательно. Но Боря очень любопытные документы раскопал, я тебе поведаю. И вот – эта сабля.

Костя заулыбался хитро, мелькнул взглядом на друга. Однако взгляд быстро помутнел, стал серьезным.

– Даже и не знаю с чего начать – мистики уж больно много. Пожалуй, с нее и начну. Когда я в больнице лежал, странный эпизод случился. Я тогда внимания не обратил, потому что многого не знал. Теперь думаю – неспроста.

Лежать в больнице, как ни странно, Константину нравилось. Уход, безделье. Откровенные разговоры соседей по палате, которые, оказывается, доходчиво обобщали его собственные жизненные впечатления. И даже естественные мысли о временном пребывании на земле на фоне размышлений о собственной никчемности отчего-то нужно добывали спокойные и разве не нравственные настроения. Хотелось какой-либо глупости, Вадькино предложение относительно сабли, оказалось весьма годящим.

Когда в очередном посещении принесся вещь Вадим ушел, наш больной принял строгую осанку, без отлагательств поднес к глазам старинный клинок в ножнах. Внимательно рассматривал надписи на эфесе... В палату как раз внедрился один из обитателей. Костя и прежде на него поглядывал – мужчина видный, в возрасте, с богатой шевелюрой. Характерное, подвижное лицо и чрезвычайно пронзительные глаза. Великий молчун.

Он подошел теперь к своей кровати, но вдруг замер и развернулся. Смотрел на саблю. Сел на свою кровать, все так же пристально глядел на оружие.

– Что это у тебя? – спросил Костю.

– Друг принес. Тут надпись непонятная, пробуем разобрать.

– Взглянуть можно?

Костя жестом пригласил. Дядя внимательно всмотрелся в каракули. Сказал:

– У моего знакомого такая же есть. Правда, насчет надписи не знаю... Как зовут владельца?

– Наверяд ли это знакомый – он в деревне Логиново живет. Это дед моего друга, Стенин Алексей Федорович.

Человек вскинул глаза на Костю, сабля в руке чуть заметно вздрогнула. Невнятно произнес:

– Да, не тот.

Вошел еще один больной. Тоже любопытствовал, осматривал вещь. Первый в это время вышел – нервное наблюдалось в движениях.

Ночью палата посапывала, поскрипывала, была наполнена живым покоем. Костя проснулся, рядом тонко и невесело храпел сосед. Наш парень здесь спал по-разному, но так наотмашь просыпаться вроде бы не доводилось. В окно светила хорошо скошенная луна, однако ее объема хватало обосновать вескую глубину бездны, в груди зашевелилось предчувствие. И точно, подле другого окна шелохнулась осторожная тень. Ясно очертился контур того колоритного больного, что интересовался саблей (Костя оставил ее на окне). Он держал предмет и разглядывал под светом Луны. Отвел оружие от глаз и лицо в загадочных бликах передало глубокое раздумье и даже откровение.

Осторожно подошел к кровати Кости (наш шпионски сомкнул веки), обратно положил ее на подоконник. Крадучись, чтоб не разбудить спящих, переместился к своей койке (вслед мерцали Костины глаза), сел. На лице замер сосредоточенный, непонятный взгляд.

Утром в палате случился переполох. Все обитатели были напряженно обращены к странному незнакомцу (Костя глядел протяжно и молчаливо – не сказать, чтоб сочувствующе). Возле пациента суетился врач, приказал медсестре:

– Каталку, срочно!

Больной неестественно дергался и издавал нечленораздельные звуки. Однако некоторые слова выделить удастся – вот они:

– Пустая... молоко вскипятить... проклятая сабля... крысы – шерстью паленой пахнет...

Костя – мы вновь подле гаража – заканчивал, крутя в ладони стакан:

– Фамилия у него забавная – Деордица. Молдаван, видать... Собственно, эта фамилия...

Костя умолк, вскоре оживился, протягивая руку к сосуду:

– Давай, что ли, за истину – поскольку на дне она.

Выпив, Костя недолго помолчал и продолжил, искренно пожимая плечи:

– Не-ет, в шашке черт, это точно... – Копнул в затылке. – Да чего там – я же и на поправку пошел, после того как ты мне ее принес. А дело, признаться, плохо было!

Вадим уловил момент:

– Что, вообще, с тобой случилось? Мы ведь, скажу я, испугались!

Костя поморщился, потемнел:

– Не будем. Только сабля не простая – отвечаю!

Получив разочарование, Вадим, однако, сдержался, сказал буднично:

– Конечно, не простая – я ж недаром ее тебе принес! Она в нашем роду в начале века появилась...

Глава третья. Сабля

Если бесцеремонно ткнуть пальцем в какую-нибудь прибудившуюся молекулу российской истории, да еще со знакомыми географическими очертаниями, очень даже случается угодить в изрядное происшествие. Чтоб вы не укоряли за фантазерство, испробуем авантюру и шлепнемся, к примеру, в столетней давности натюрморт.

Начало прошлого века, ладный летний денек. На берегу юркой реки Каменка устроилось дородное село Гилёво, в почетном месте высилась добротная хоромина о двух этажах с каменным цоколем. Существовали гвалт, люд, наблюдался чумовой пир. Настежь были распахнуты высокие узорчатые ворота свежего теса. В чреве обширного мощеного двора выстроился длинный стол, начиненный угощением. Негусто сидели разного, преимущественно дельного возраста мужички, – иные валандались по двору, витиевато и упрямо не попадая в цель по причине отсутствия таковой; баб существовало меряно – хозяйствовало. Понятно было, что это второй эшелон: свой служивый и на дармовое приспособившийся со стороны народец, – основной процесс пока таился в утробе дома, но выдавал себя затейливой какофонией музыки и звоном женских голосов.

Вот в бородатом зеве застольщика громогласно зацвела песня – впрочем, угасла, заплутав в словесных оборотах. Ошарашенный таким поворотом событий экземпляр люто пучил глаза и в качестве компромисса ловко швырнул в рот содержимое стакана. Некий гражданин с уроненными руками, основательно упершись лбом в нежно подернутые замшей мха бревна амбара, строил замысловатые коленца, надо думать, сооружая относительно вертикальное состояние тела. Очередной одинокий танцор угрюмо и немо творил под поветью «антраша» и, наконец, рухнув замертво – улыбаясь, однако, этому обстоятельству – пустился дерзко храпеть. Впрочем, и за столом, сладко обняв миску, следующий косматый дядя витал в эфирах. Совсем поодаль, оперевшись одной рукой на высокий столб забора и уронив голову, мочился уряднического звания человек. Гуляет народ, эх-ма!

Однако присутствовали и живые.

– Авдотья, вина!.. – относительно тверезо шумнул распорядительнице ражий рыжий человек. – Молодым уважение!

Не спеша, подошла тетка преклонных годов, наклонила полуштоф, согласилась:

– Стукни, милай – чтоб перед людям не хромать.

А чего бы и нам не попотчеваться от щедрого стола. Вот, к примеру, какое глубокое умозаключение, обращенное к соседу, услышим от тщедушного мужичка в косоворотке с оборванными пуговицами:

– И ты, Парфен, поступаешь пресно, когда еку добру кобылу хоронишь от глаз. Оно бы самое время. Зотов, вишь, приехал – каков вельможа, а не погнушал. Всё лошадина страсть. Василий-от – невелик жох, а какой почести достиг, сам Зотов!.. От Потап Иваныча досталось, царство ему небесное (окрестил лоб) – как изобрел породу, тожно и к городским барям в ровню вошел.

– Еще посмотрим, каким лошадям барин уваживат. Мария – кобылка кровей отчаянных.

– Бу-уде, попритчилось тебе! Марию Василий из Бессарабии привез, отколь Зоту ее знать?

– А я тебе и признаюсь, – приминал голос дока. – Мария когда наперво прибыла? Полгода как. Неделю повертелась и... нету. Бают, будто у Зотова этот промежуток содержалась. А Михайло-т Гаврилыч ой как спор.

Оппонент задумался, далее, из под лба мазнув окрест взглядом, поднял чашу и понижено просипел:

– С Марии станется, тот Вавилон. Слышь-ка, будто многих мастей женшана: и полька, и цыганка, и прочая холера. Будто и Василий с ней чудес натворил. Эх, прегрешения наши!

– Не согресишь, не покаешься, – согласился Парфен, ахнул порцион.

Уяснив винную щедроту, что подтвердилось сопением и зычным иком, дядя возроптал:

– Однако свадьба не по чину. Потап Иваныч ба, буде здрав, такого безобразия не допустил.

– Есть оно, – согласился напарник, – пренебрег Василий обычаем. Венчаться в каку-то особую церкву ездили – страмина.

– Опять же – Васильева ли затея!

– Где видано, эко место – без песениц. Ну да нам не в наклад, – сгреб в щепоть редьку, пихнул в рот, хрустел зело.

Некий бровастый дядя, кивая за ограду, оповестил бабу со сбитым на плечи платком, хлопочущую подле стола:

– Матрена! Эвон убогие с каликой харчиться тянут.

Та дисциплинированно постригла навстречу, отвечала, стигая стан, на поклоны подошедших (самый рьяный, слепец, кланялся часто и низко), зазывала:

– Заходите, божьи человеки, закусите во здравие нововенчанных Василия и Марии.

– Да прибудет милость господня... благосчастия на многие срока... полную чашу, – талдычили пришлые, сновали заскорузлые троеперстия.

Их усадили на край стола – сырые степенно устраивали бадожки. Уж семенила с чашками заботливая Авдотья. Она и похлебку разливала, и бутылку опрокинула, наполняя стаканы, и приговаривала:

– Не погребуйтя сорокатравчатой, глубокого настою. Чтоб ведали все – широки Карамышевы и тороваты. А вот хлебушок ситной на заед. – Присев на скамью благонравно наблюдала за едоками.

Из миски поднял голову с кривым, сонным взглядом косматый. Войдя в сумму обстоятельств, порыл в чаше пальцами, сокрушался:

– Огурчик, пожалуй, на-кося.

Слепец (парень годов двадцати в драном зипуне и справных лаптях) частил, женщина с рыхлым носом, угрюмым лицом и отсутствием в глазах выражения, мазала мимо рта, отчего продукт терялся, проливаясь, главный – высокий от непомерной худобы, с хищным кадыком дядя в непотребном ремье и опорках от валенок, со спеченными колтуном лохмами – хлебал размеренно и опрятно. Убрав первый продукт и резво осоловев уже и от сытости, граждане – собственно, дядя с кадыком – как и положено, развивали разговор, велеречиво любопытствуя:

– Знать-то, Василий наметился таки в хозяева – жуировать покончил, оглянулся на вотчину.

– Ак эть пятый год как тридцать минуло. Пора!

– И как теперь руководство делить станут?

– Не нашего ума дело. Зятевья, знамо, покуражат – привыкли править. Толькё Василий – первый наследник, как повернет, так и будет.

– Да, на единого брата три сестры, да еще с зятевьями – хомут.

– Ну, Ленка, што ись, не в счет – мокрошшелка. Да и у Васёны мужик душой жидок, хоть спи на ём. Татьяна Семен – да, хват. Он дело и держал – будет свара.

– Ну, а что невеста? Баска девица, довелось глянуть. Будто из других краев?!

Авдотья сделала скептическое лицо.

– Ай да! Тот же назём, хоть из далека привезён.

– Да ведь и слухи разные возле.

Тетка сжала губы на мгновение и дальше придвинулась, воспаляясь – злоба дня:

– То-то и оно – и красно, и цветно, да линюче! Василий-от девицу чуть не в исподнем привез, приданого одна сабля. Толкуют, правда, будто секретная вещь. Да от секретов велик ли прок? (Перекрестилась.) Прости господи!.. Блинов вот, с маслицем. И в какую же сторону ноне пойдете?

– Логиново не минуем, иконе Параскевы Пятницы поклонимся. А там – пути божьи неисповедимы, чать добрыми людьми земля не оскудела.

– Пьяный бор обойдете, ли как? Молва худая бегит... Даве Ванька Ерчихин без коня воротился. Сказывают: выскочили ироды с топорам да иным орудием – выпрягай из телеги! Лоб шиб, моля кормильца оставить. Не проняло – де, мы окаянные!

– Есть такое – будто злодей поселился. Да какова с нас добыча?

Вот и главные персонажи наличностью удружили, из дома вывалился разномастный гурт. Тут и поп, и служивый законоправного ведомства, с португеей, усами, как водиться, и немилосердным взглядом. Некая баба, румянами густая, в кокошнике, заголосила приплясывая: «Куманек, спобывай у меня! Душа-радость, спобывай у меня...» Немного сзади и сбоку чубатый парень с шикарней гармонью, раздувал меха. Неотложно пара мужиков затеяли усердно и в такт будто долбить ребром подметок в землю – сплясывали. Очнулся и гармонист за столом, кинулся терзать свою трехрядку – не совсем в лад.

Обратим внимание на того что поджар, с ленивым глазом, в тройке на чесучовом подкладе – не иначе самая важная фигура, достойнейший екатеринбургский фабрикант Михайло Гаврилыч Зотов. Ну да и вились вокруг человеки. Тот что разговором занимал, конечно, и есть Василий, жених. Видать, и оный не лаптем щи лопатит: костюмчик форменный, лаковые ботинки (остальные в яловых сапогах). И не сказать, чтоб гнуло шибоко – папироска в руке благопристойно устроилась.

Непосредственную когорту с гостем составляли сестры Василия и их мужья. Одна из сестер, Татьяна, держала поднос с рюмками:

– Язык смочить, Михайло Гаврилыч – солнце совсем испыхилось.

Зять по ней (это Семен, тот что «хват») добавил:

– Брюхо после обеда закрепить – неминуемо.

Тот чинно снял лафитник с рубинового цвета содержимым (жених и мужики последовали), кивнул Василию:

– С божьим благословением.

Выпили, внятно закусили. Зотов запустил:

– Так я продолжу, экземпляр у меня есть отменнейший. Благородных основ конь – из орловских. Мечтаю продолжить породу.

– Ваши настроения отлично понятны, – отозвался Василий. – Ну да, чай, поживем так и увидим!

– В достойные руки всякое существо отдать – доход. Испытано, – раздался женский голос.

Наконец саму Марию приспособили – стало быть, приступим. Ничего не возразишь, хороша: волоока, рдянощека, волос вороной. Нос прямехонек и умерен – видно, что не только для дыхания. Глаза сугубые, то продырявят – нацелятся зрачки, точно дуло пушки – а то заблестят росой и пощадят. Голос долгий, в утробе, видать, зачат, и через мнение неминуемо пропущен – подходящий голос. Улыбка ерзает из одного угла губ в другой и всегда достаточная – о четырех зубах. А и смеяться бойка: откинет матово мерцающую шею и пошла – клекочет голос-песня. В жены такую? – не знаю...

– У меня так, – согласился богач, шаяла ленивая усмешка.

Семен добавил вослед:

– Уж и одно присутствие – на весь мир почет!

Михайло Гаврилыч умерил:

– Мне не в тягость – присна память о Потап Иваныче. Да и местность здешняя больно пригожа. Вот озерцо ваше – ласковое. (Благодетель жмурился, разглядывая облака, большие пальцы запустил в проймы жилета.) Прежде я здесь душу умягчить добывал. Батюшка ваш это понимал и сочувствовал.

От давешних отделился поп и подсел к дворовым мужикам. Молвил дюжему дяде, что спал недавно в миске:

– Ты, Игнат, ум помни. Михайло Гаврилыч, гуманный человек, благое сотворил – денег на аналой отщедрил. Робить тебе.

Супротивничал адресат:

– Раза один совладаю?

– А руки-то – две. Приступать.

– Какож, ежли дармовое не иссякло!

– Этому и мера: дар – для головы, а не для живота.

– Да ведь и ты, батюшка, не гнушашь!

– Невинно вино – укоризненно пьянство.

Среди прочих шустрила молоденькая, о добротной русой косе, годов пятнадцати деваха – Елена, младшая сестра Василия. Скалась подле той сердобольной Авдотьи, что привечала странников, цедили сквозь сито солодовую бражку. Выговаривала старушке:

– Зот, буди, Касатку хочет со двора свести!

– Пошто не хотеть, когда не залежит.

– Тятенька пестовал, а теперь в чужие руки? – ерепенилась Елена.

– Тебе ека корысть? Ступай-кя Матрене помоги, опять сестры корить будут.

– Василий не позволит, он меня в город на учебу определит.

– До тебя Василию, у него ноне докука сладкая.

Елена, зыркнув в сторону Марии, ревниво высказалась:

– Мария величается, а сама беспортошная! Тятенька бы за порог не пустил... Вот я ей под перину стручок гороховый в девять зерен подсуну – опарфенится тожно!

– Подь ты к чомору, – беззлобно шамкнула старая («щёмору»). Осерчала тут же: – Куда льешь?! У, полоротая! Иди на кухню, неча близ пьяных мужиков тереться!

– А чего Мария подле Зота вертится!

Однако вернемся к основе. Неугомонно пела и приплясывала Кокосник, ей подтягивал чубатый. Зотов с благостной улыбкой гулял взором по двору. Повернулся к Василию:

– Ну, что там кобылка?

Василий круто повернулся в народ.

– А что Филька – пригнал саврасую!?

– Как есть, – согласился хор дворовых. Кликали в зады: – Филипп!!! Веди!

«Цок, цок», – отозвался мощный камнем двор. Из-за дома, ведомая за недоуздок парнишкой лет тринадцати, появилась величественная красавица. Фрр, ответила на повелевший остановиться жест конюха. Косила глазом на хмельную публику. Цок, цок, продемонстрировала бедра девушка – вкрадчиво щелкнул непокорный хвост.

– Да вот, собственно! – скромненько обронил Василий.

Народ приумолк, глядел на зверя, а слов ждали от именитого.

– Гм, – соизволил тот. Прохаживался вдоль экспоната, изучал – лицо бесстрастное. – Год назад скотинку оглядывал – приобрела за текущий... Чем, говоришь, брюхо очесываешь? Я тебе подкажу рецепт, любезный колерок дает. Гм.

– Кобыла норовистая, – изрек Василий, – помимо Фильки никому не дается. И славно, молодая, пусть подышит. Батюшка ее холить особенно наказывал, безупречного калибра зверь. Да вам, Михайло Гаврилыч, лучше знать... Ну-ка, Филька, пройди для смотра!

Филипп, хозяйски ухватившись за холку лошади, взлетел. Та спешно ушла, но тут же остановилась, много при том переступая. Дворовая собачонка норвила тяпнуть саврасую за мосол, конь выворачивал алый глаз, фыркал. Парфен услужливо, пьяно и размашисто, сковырнул сапогом шавку, та кувыркнулась далеко, чинно прихрамывая поковыляла прочь. «Но-о, дармоедка, пошла-а, ап-ап!» – зычно ворчал Филька, понужая животину босыми заскорузлыми пятками. Кобыла, присев на мгновение, ринулась боком, не быстро, но игриво. Филька вынес Касатку за ограду, задиристо чертил круг длинным концом оброти – прыснули из-под копыт, взмахнув крыльями и возмущенно чертыхаясь, куры, кочет, опасно косясь одним глазом и воинственно кивая гребнем, криволапо улепетывал. Фыть, фыть! Кобыла жадно и весело припустила, сальная земля взрывалась под копытами.

Поодаль, вдоль тракта шли наши трое странников. Филька направил лошадь на них. На гиканье обернулись длинный и тетка.

– А задавлю! – радостно заорал Филя. Тетка прынула в сторону, поскользнувшись на коровьей лепехе, грузно завалилась. Филька хохотал, проносясь мимо. Улыбки трогали зрителей – а как без спектакля!

– Аллюры знает, – подтвердил Михайло Гаврилыч.

Филька возвратился, лихо осадил коня. Василий смотрел на малого с ревнивым прищуром. Расправились плечи, окрикнул:

– Эй, Парфен! – Тот пьяненько, но степенно выступил из толпы дворовых. Василий на него не глядел, все Фильку глазами ел, голову лишь немного назад подал. – Охламона веди.

Толпа взбудоражено зашевелилась, запричитала. Парфен с радостной строгостью воскликнул:

– Под седло?

Василий не согласился:

– Все как у Касатки. От Рудника пойдем, до церкви... – Повернулся к Марии. – Доводилось скачки выигрывать. Поглядим.

Народ пуше заколыхался, зашумел. Зотов негромко, едва не удивленно сказал:

– А ведь я сотню на Касатку ставлю. – Повернулся к людям. – Ну-гес?

Все заерзали деловито и нервно. Семен часто моргал, Татьяна сдвинулась за его плечо. Поп крестил мужика, что, вывернув карман, тщательно считал гроши. Пристав хмуро и сосредоточенно рылся в гаманке, достал золотую монету. Лаконично сообщил:

– Империял.

Рыжий сучил ногами, в отчаянии тянул к народу руки.

– Люди православные! Заветный рупь давя убил! Душу заложу!

Игнат яростно хлопнул шапку о землю.

– И-ех, где наша не пропадала! Матрена, ташшы загашник. На Охламона!

Мария из-под тонких бровей уставилась в Зотова с липкой улыбкой.

– И я... на Охламона.

Сосредоточились на возвышении, площади перед церковью. Все без исключения. Наяривала гармоника, Кокошник задиристо голосила песню, Игнат отчаянно отплясывал, купно пара мужиков и девки. Скакала, дурачилась малышня. Зотов самодовольно глядел на веселящийся народ, одно плечо мелко в такт песне подпрыгивало. Вдруг с вершины долгого столба, что служил ярмарочным утехам, разрезав гвалт, раздался отчетливый вопль босоногого, вихрастого пострельца:

– Идут!!!

Толпа враз усмирилась, все устремили взоры. Между крышами изб неторопливо прокатилось пылевое облачко. В нем трудно различимые ноздря в ноздрю стелились в карьере две лошади. Легли на холки седоки, пузырилась рубаха Фильки. В ясном нескончаемом небе шла над ними россыпь воронья.

Сигнальный мальчонка лихо съехал по столбу. Игнат стоял, закрыв глаза, по лицу струился пот, Кокошник улыбалась, но мертво. Зотов был внешне безучастен, мигал расторопно, однако ноздри тонко вздрагивали. Мощный и частый цокот копыт заполнил слух. На площадь ворвались два коня. Филька на Касатке первый пересек брошенную на землю ленту. Ахнул крик...

Рыжий сидел на земле, плакал.

– Заветный рупь убил давя. Дуррак! Заветный рупь.

Игнат истерически хохотал в небо:

– Ой ублажил, ха-ха-ха!! Ой благодетель! Ой по миру пустил!

Матрена немо зевала ртом, очумело расширены были глаза, тянула руки к людям. Кокошник с ядреным визгом пустилась в пляс, тут же полыхнула гармонь.

– Я по бережку ходила, молода, белу рыбицу ловила не одна...

Зотов усмехался, глядя на сползающего с коня, насквозь пыльного Василия.

– Костюмчик, Василий Потапыч, небось, отслужил. От рабочей-то одежды отвык. Зря, выходит.

Филька, соскочивший первым, весь счастливый, смотрел на Зотова. Мария, сузив глаза, с недоброй морщиной от носа протянула Фильке:

– Дурак ты, Филипп. Мог и придержать кобылу.

Василий, кажется, не выйдя из азарта, посетовал:

– Отвык Охламоша, не чует колено.

Фабрикант посуровел:

– Ну что, пригубить не мешает отнюдь. Посуху-то оно несправедно будет.

Татьяна услужливо спешила с подносом. Барин, выпив, крикнул, заключил:

– Достоинства у Касатки несомненные, теперь за грамотным человеком дело. Жаль, если втуне порода сгинет.

Василий кивнул:

– Сладимся, Михайло Гаврилыч.

Зотов опустил голову, в глазах замерцала сталь.

– Однако пора и честь знать, два дня отгостевал – по нашим порядкам сверх меры. К вечеру доберемся, утром за работу.

Прошли месяцы, Гилево осталось... За окном гнусавил дождь. Первый этаж Карамышевского дома обладал кухней, другими подсобными помещениями – присутствующими. Бабка Авдотья, Матрена, Елена. Две первые были заняты делом: очищался картофель, перебиралось зерно – Елена сидела, держала на коленях лист бумаги. Здесь же находилась и Мария, стояла в кружевной шали, лениво подпирая стену, лузгала семечки. Авдотья под работу байку разговаривала:

– Попик-от, Григорий, молод был и грамотен шибко – и собой виден... Теперь Катерина – озорнюшша девка, черноброва. Хоть не больно справных родителей, а краля на загляд. Васёнин Петр, окуроч, туда ж к ней сватался... Толькё уперлась в свое – подавай попа ефтого. Папаша у ей, Иван, братес мой, сатрап, порол девку вусмерть – не по-моему-де. Отлежится, сердешная, и обратно... Съехал поп в дальний приход. Два года минуло, сосватали горемычную за иного парня – наладили свадьбу. Тут и заявляется Григорий – расстриженной. Сваты его убивать затеяли, да Федька Стенин, брат Катерины, не дал. Тожо поперешной, супротив отца пошел. Так и увез Григорий суженую без благословения. Вот этот Федя и есть старший Филькин брат, мне, стало, племянник – он прежде коням руководил. После тех событий из Логиновой сюда, ко мне перебрался – отрёк парня отец. Помнишь, нет ли? Батюшка ваш его привечал... Ноне в морской службе состоит. Читай, што ись, грамотку – в кои веки известил.

– Как не помнить? – возразила Елена. – Он меня на лошаде гонять учил!

Елена склонилась к письму, что лежало на коленях, трудно читала:

– Крепость, куды пристроены, называют... Хронштаб ли чо ли... а крейсер уж Дерзкий... тьфу ты, глаз поломашь... и жив ли отец, поскольку грыжей страдал?... Жратвой сыты и многого ума набираюсь... – Отняла глаза. – Писать бы наторел... – Обратном склонилась. – Два годка еще и первым числом дом новый отстрою, как денег прикоплю... поклонись, тётя, Потап Иванычу, заместил отца он мне. – Оторвалась. – Писали про тятю – знать-то, не дошло послание... (Шмыгнула носом.) Тятю все любили – доброго человека уваживал, а всяка ёргань двор обходила (Взгляд легонько вздрогнул в сторону Марии) ... – Продолжила письмо: – Фильку береги, я его заберу. И как там Катерина, есть ли известия?

Мария отслонилась, бросила шелуху в ушат с картофельными очистками не насквозь покрытыми водой – помой для свиней – звучно обшлепала ладони, тронулась.

Проследим. Вежливо покряхтывала под женщиной лестница на второй этаж. Мария легко толкнула чуть приоткрытую дверь. Горница. Подле окна расположился Василий, гуляя по отверстой книге – кратко покосился. Женщина пусто бросила взгляд на мужа, сдвинула очи в окно. Села за стол не отнимая взгляд, зевнула. Дождь однообразно и равнодушно шуршал – Мария не простила:

– Скушно. Погода зевотная, от чаев уши распухли... Хоть по улице пройтись, да никто не увидит.

Василий, понимая, что не удрать, запустил, чуть повернув к присутствующей лицо, но не глядя:

– Слышал, ты отчудила – собак Репниных синей краской вымазала!

Мария обрадовалась:

– Это ловко я позабавилась! Думаю, что бы с их боровом умудрить?

– На кой леший забава? Жили люди и пусть их!

Мария прищурилась:

– Уже доказывала, цыганкой меня звать – не спущу!

Василий выговаривал:

– Хоть на первый срок норов умерь. Народ любопытен, пялится.

– Тебе что за печаль?

– Жить на людях – негоже устои ломать.

Мария поглядела на Василия с досадой:

– И в кого ты? – ни богу свечка, ни черту кочерга! – Отвернулась, объявила беспечно: – Я – человек вольный, сперва делаю, потом думаю.

– Где видано, – силится перечить Василий, – баба – и человек!

– Ты у иных спроси, они позорче!

– Морока ты, взяли тебя, ославились.

– А попробуй не возьми, когда мне приспичило! Уж ты в навьке, дорого станет.

Василий промолчал, но сузил глаза, пальцы нервно дрогнули. Мария встала, прошлась, лицо заалело. Слова пошли упруго:

– Васёна второго родит, совсем невоготу будет. И так крику полон дом. Собирались делиться, скоро ли?

Василий тяжко молвил:

– Не время, все в закладе.

– И жить не время! – Мария осадил голос, потеряла шаль. – Еще. Мы давеча говорили. Елена взрослая, грамотная, определяться бы надо. Ты, вроде, в город ее хотел учиться отправить. – Повернулась к Василию, мягко пустила: – Она сама желает.

– Пока думаю – хоть какую родную причину иметь.

Минул год. Василий явно сомлел: волос поредел, живот выпятился. Торчал в горнице подле окна – безрукавка собачьей шерсти, штаны мятые, чуни. Опять рылся дождь. Не отрываясь от улицы, Василий недовольно проголосил:

– Авдотья!! Кху, кху, что самовар?

Вошла Елена с подносом – чайник, вазочка с бубликами.

– Авдотья дрова колет.

– Что – некому больше?

– А кто? Всех изжили.

– Ты не больно-то, есть кому привередничать! Филька на что?

– Филька Марию в лавку повез. Зотова ждем – прикупить разного.

Василий осерчал:

– В лавку, на выезде – тьфу!

– Вы уж, братушка, не перечьте! Не оберешься после.

– Учи, пигалица!

Вздыхнул, обернулся, повинная улыбка мяла лицо. Разглядывал Елену. Налил чай, помещивал. Улыбка стала хитровой.

– Растешь... Признайся, снятся нет парни?

– Воля ваша, – зарделась девица, – кто посниться? Из дома не выхожу.

– Балуетесь с Филькой, я замечал.

– Воля ваша – он мне что брат.

Василий чуток унял улыбку:

– Я у тебя брат... и отец – помни. Я забочусь!

Елена осмелела:

– Обещаете заботу, а в город не пускаете!

– Папашин норов, – определил Василий. Лицо стало смурное, но голос сдобрил: – Погоди вот, приедет нынче Михайло Гаврилыч и... покончим. Там, бог даст, и кошт определим.

Елена взвилась, вылетела из горницы. Василий грустно посмотрел вослед, пробормотал:

– Пойти, разве, переодеться. К вечеру, знать-то, прибудет.

Ужин. Узорчатая скатерть, серебряный сервиз – чин-чином. Народом, не в пример давешнему, не богаты. Женщин кроме Марии да Елены нет. Кроме Зотова и Василия знакомый поп, старший зять Семен, еще незнакомый дядя. Зотов спрашивал у Семена:

– Каково же в новом доме? Так и не взглянул, не в оказию.

Семен обрадовался:

– Уж завтреньки, просим отобедать. Покорнейше!

– Разве после экскурсии. С утра едем с ревизией, товар оглядим. За год, поди, не узнаю – случается, города вымирают... Ты с нами!

– Непременно, дело наперед!

Гость повернулся к попу:

– Да и церковь посетить надобно. Копейка положена, а лоб не крестил.

– Не нарадуется паства, благомилостивец! Добре расточих, покой приобретах.

– А чего ж, батюшка, скоромничаешь? Будто кусок не лезет.

Поп хихикнул, но выглядывала натуга:

– Есть вроде хочу, а аппетита нет.

Мария:

– Отчего же, Михайло Гаврилыч, коротко гостите? Денька бы хоть три положить, без того год не сподобились!

– И не в гости вовсе, как известно – завершать будем старое. Мне-то и сверить всего – так ли оно, что Василий Потапыч описывает... Дел-то у меня, голубушка, насорено, так что

завтра после обеда и отбуду. Вот Родион Максимыч (указал на нового), казенный человек, бумагами займется. Вниманием уж не обойдите!

– Это без сомнений! А коли вы так заняты, то напрямик и спрошу. Как с Еленой порешим? Вспомните обещание протекцию составить, чтоб городским манерам набралась. Девушка смекалистая и работающая, обузой не станет.

Все дружно тронулись обозревать существо, Зотов из-за Марии выглянул. Откинулся обратно:

– На память отнюдь не жалуясь, и за мной дело не застоит. Да ведь Василий Потапыч придерживает! Коли надумали, хоть завтра увезу. Как раз дочери моей помощницу приискивал.

– Видно, пришло время, – произнес Василий, – кланяюсь в ноги.

Уставилась младая в тарелку, еле дышит. Мария, разместив обольстительную улыбку и медленно поводя порочными глазами, млела:

– Ну и славно, с благодарностью-то мы не воздержимся. Вот и завершим на том, оставшийся вечер, Михайло Гаврилыч, я вам на дела тратить не позволю.

– А мы и взглянем, как это, голубушка, получится. – Морщины углубились, на Марию пришелся внимательный взор. – Однако вы, Мария Стаховна, меня озадачили – сабля возмутила некоторым образом... – Зотов пошевелился, устроился основательней. – Человек я, не премину заметить, прилежный и, рассматривая в прошедший раз оружие, обратил внимание на запись. Непонятная, памятная. Припоминаю, матушка, вы о штукенции отзывались своеобразно. Согласитесь, немудрено возмутиться. Сиречь любопытно, как вещица с таким загадочным инициалом к вам угодила?

Другое утро, Авдотья и Елена собирались. Авдотья:

– Сколь тебе добра Мария-т от себя намеряла.

– Не поскупилась, лишь бы спровадить.

– Не собирай, какого лешего на невестку взъедашша – сама жо в город стремилась!

– Мария к Зоту льнет, сором и только. На Василия бы глаза не глядели – вахлак!

– Э-э, дева, по доходу стар да петух, молод да протух, – посетовала Авдотья. – Да ково тебе понимать, сопля ишшо.

– А нечего тут понимать, блуд-от в очах прописан. Я ее вдоль и поперек знаю.

– Болеть ли теперь? Из дома вон, с головы долой.

– Боюсь из дома уйти.

– Буде, панихида, тебе все черти одной шерсти.

– За Василия страшно. Мария всех выжила и его сведет – ужо чахнет... Слышала нет-ко? Будто Мария с татями водится.

– Мало ли народ мелет, на нее, вестимо, всех собак вешают.

Елена притеснилась к Авдотье, полусшептала:

– А видела я, баушка... Этга иду в лавку. В заулке у тетки Феоктисты пришлый мужик чего-т спытывает. Выровнялись, он и обернулся. Рожа оспяная, брови седые – варнак! После тетка сказывала, до Марии пройти выспрашивал.

– Окстись, таранта – приблизилось!

– Вот те крест!

Вдруг Елена выпрямилась, вытаращила глаза, пропищала перепугано:

– Да ведь он про Зота наметил прознать! Тожно нас по пути и кокнут!

Прошло два года, стоял погожий день ранней осени. К ограде Карамышевского дома подъехала пролетка, из нее, недужно покряхтывая, вылез Василий. Совсем дядя захирел:

погрузил, постарел, одышка шла за малым движением. Уже ступив на землю, обратился к кучеру:

– Ты, Федор, с Семеном говори помягше, не поминай, что почин Марии. Василий-де сам приехать неможен.

С облучка повернулся молодец. Рус, кучеряв, облачен немудрено, но виду пристойного.

– На хворь и наступай. На родственное – мол, кумовья. – Василий выдавил: – Кланяется, дескать.

– Не сладить, Василий Потапыч, – хмуро сказал Федор. – Шибко Семен осуровел, как крупорушкой завладел.

– А ты не кукуй, расстарайся – больше негде просить.

– Но-о, пошла! – Федор тронул, кивнув хозяину.

В комнате просторного дома за самоваром сидела Татьяна – тоже раздобрела – прихлебывала из блюдца чай. Из прихожей прибег женский голос:

– Никак Федор Стенин пожаловал!

Татьяна выглянула в окно, тронулась на голос. Буркнула неласково:

– Не иначе, какое с Василием стряслось.

В избу вошел Федор, поклонился умеренно:

– Мир этому дому! Здоровьица...

– Проходи, Федя, самовар толькё поспел.

Федор тщательно вытер сапоги, двинулся вслед за Татьяной, оглядывал, походя, жильё.

– Обширно у вас.

– Ты, што ись, не бывал. Год, поди, батрачишь у Василия, а не заглядывал. (Привередливо) Впрочем, и Василий також – гнушают братец... Расскажи-ко, как люди в белом свете обитают? По морям-от, по странам побывал, насмотрелся.

– Живут не тужат, а и тужат – всё одно живут... Мне бы до Семен Андреича нужда. Покалякать бы о делах. Сам Василий Потапыч хворы, меня послали.

– Что там братко? – Татьяна тяжело вздохнула. – Совсем, видать, иссяк. Притащыл эту невзгодину на свою голову. Господь наказует за сладку жизнь, батюшка предрекал!

– Живой покамест.

– А ты, гли-ко, теперь по всем делам уполномоченный.

– Что велят, сполняю.

Татьяна с интересом оглядывала парня:

– Служба, гляжу, в доход пришлась, постатнел! Жениться самая пора. – Мазала ехидным взглядом. – Или без нужды? Бают, Василия по всем манерам заместил!

– О том докладать указаний не имею – выходит, промолчу.

Татьяна засмеялась:

– А признайся – глядишь, делу пособию. Шибко я любознательная!

– А пусть неведомо останется, мне престижу больше.

– Стало быть, и нету Семена – робят, буди, не накормишь, на пече сидя. А коли приспичило, так в конторе у Репнина найдешь – им и воскресенье будень.

Федор въехал во двор дома Карамышевых. Сошел с пролетки. Филька взял лошадь под уздцы, повел распрягать. На крыльцо вышел Василий, смотрел сумрачно. Федор сел на ступеньку, молвил, не глядя на хозяина:

– Дома не застал. Пришел к Репнину – тамо-ка! Репнин кланяется, Семен тож... Отказал!

Василий кивнул молча. Отнял взгляд от работника, глядел вдаль – взгляд пустой, немигающий. Дальше как бы очнулся, сдвинулось лицо, подбородок потер.

– Ты вот что – завтра в Екатеринбург поедем. Как рассветет, так и тронемся.

Федор наказывал в конюшне Филиппу:

– Пойдем-ка пролетку подготовим, дальний путь будет... Гнедка и Красулю запряжешь. Овса им отборного, пусть отстоятся. Подковы осмотри, в городе булгыги понапихано, коней ломать.

Филька:

– Не побоитесь вдвоем ехать? Совсем дерзко лихие люди в Пьяном бору балуют.

– Наган под облучок суну, что со службы добыл – два патрона живые, у меня побалуют.

Шевелились надменные кроны сосен, сладко шуршали приветливые ели, рябина горела кровавыми каплями. Мерно трюхали лошади, задорно чмокали копыта. Федор, стройно восседавая на облучке, пусто глядел в размашистые зады двух ладных животных – правый конь систематически отстреливал богатым хвостом о край пролетки, другой екал селезенкой и редко всхрапывал. Василий накренился в угол сиденья, голова обстоятельно покачивалась. Глаза то отрешенно сосредотачивались на небе, то наливались живым – въедались в величественный пейзаж. Заговорил:

– Помнишь, вот так же мы ехали десяток годков тому?

– Как не помнить.

Помигал Василий, губой шевельнул, повинился:

– Отговаривал меня отец, а я не послушал – хотел белый свет рассмотреть. Насмотрелся, в глазах режет. – Сильно вздохнул. – Ты, я полагаю, Марию услаждаешь. (Федор плотно сжал губы.) Напрасно! Добром не кончится, лихоманка она, колдунья!.. – Василий опустил взгляд. – Впрочем, папаша ее жизнь мне вернул... Болел я в Бессарабии отчаянно, выходить и не брались. А он вытащил – вещичка там одна... Штуку эту он мне отщедрил перед смертью, да вот, обязал Марию взять. Не впрок, свет баба и укоротила. – Василий закурил, смотрел уже в сторону. – Помираю я, думаю, больше года не сдюжу. И тебе благодарен, что после службы обратно к нам подрядился... Видишь вот судьба, родные супротив, а чужие тянут.

Василий надрывно, до слез закашлялся. Отдышался.

– Вот что, мы нынче Елену заберем. Нечего ей в прислуге: делу не научится, да и... – Опять кашлял, уже слабо. – Наследовать, в общем, хозяйство она будет. И ты на ней женись... Да не тяните. И уезжайте хоть в Логинову – не даст Мария жить.

Василий замолчал. Послышались странные звуки, – это был не кашель, Федор напрягся. Оказалось, грустно смеялся. Теперь снова заговорил – тихо:

– Вот же юдоль – отец Марии мне вечность предлагал, а гляди, как на самом деле... – Уже к Федору обращался: – Штукенция-то, сабелька – в ней тайна, я верю. Вы ее заберите – нехорошо, если Марии достанется.

Цок, цок копыта! Федор вперился в лошадиные зады, обострился нос.

Неподалеку от Карамышевского дома плелись знакомые нам скитальцы. Теперь их двое – калики нет. Проходили мимо одного из домов. Из ворот вышла женщина с узелком; убогие, понятно, остановились – поклоны, бормотание. Женщина взаимно согнулась, передала узелок, по-видимому, снадь. Запустился разговор, поинтересуемся и мы.

– В Кочневой пожар анамедни получился невиданный, улицу вымахнуло, – утверждал Кадык. – По миру нашего брата прирастает.

– Слыхали, – согласилась тетя. – Да и мы не всё благословением господним живем. Где скотинка упала, там робятёнок новорожденной преставился (крестила лоб) ... Наднесь сорочкины по Василию, рабу божию, отошли (указала на дом Карамышевых), упокоение, наконец, обрел.

– Как же, помним сударя, угадали пяток лет назад аккурат на свадьбу. Мария, как же!.. Дом-от тих нынче – не в пример.

– А некому шуметь. Зятевья давно съехали, младшая сестра, Елена, за работника замуж вышла и в Логиновой живет – свой дом поставили. Пусто, одна Мария.

– Видная бабочка. Одной в такой хабазине тяжко!

Тетка, опасливо косясь на хмурый дом (все лицевые ставни были затворены), призналась:

– К тому и стремилась. Василий ишло не помер, как все ушли. Толькё тихого нет. Темное народ судачит – шабаши-де, ведьминско племя.

Кадык заверил:

– Разное на свете случается. Знать, некрепок хозяин в вере был – нечисть отвадить. Ибо всемогущ господь.

Тетка не унималась, похоже, злая тема:

– А мир недоволен – Василий-от сестрам отказал. Да приказ на ее стороне.

– Достаточно на земле кривды, и много оттого зла происходит, – сетовал Кадык. Покло-
нился тетке, однако, пряча подаяние в сидор. – Только и добро не перевелось – отмолим за бла-
гостыню.

А вот и зима – бежит время. Над селом – тускло мерцают окна изб – висит глубокое небо, вмещающая нервную мошкарку звезд. Изрядно мироздание! Ну да опустимся... Различили непри-
хотливую избу. Кто расположился? Вот тебе здравствуйте – Елена! Уж и Потаповна, поди,
потому как при дите. Светелка, зыбка подле печи, горит керосинка.

Шум в сенях, кто-то обивал снег с обуви. Вошел Федор, хозяйски скинул поддевку,
шапку – повесил на гвоздь; не снимая сапог, подошел к колыбели, рассматривал содержимое,
спросил вполголоса:

– Как она?

– Даве заснула. И сыпь проходит... Все одно всполошна еще, кричит.

– Пусть кричит, на погосте немо... Филька где?

– Да блудня.

– Дело молодое, пусть свашит.

Федор сел за стол. Елена собрала сумерничать: кринка молока, хлеб, прочее. Уселась
напротив, глядела. Федор поел, вытер рукавом рот, молвил:

– Зря тебя не послушал, верхи-то и быстрее бы добрался и коня поберег – холку Гнедку
побил. Хомут надо новый, этот в ремки залатан.

– Да говори уж!

– Нечего сказать. Семен на тяжбу гнет, Васёна с Петром тож, волостные руки разводят:
завещение-де в уезде выправлено, нам не сравняться.

– Мария что ж? Сама мировую предложила!

– А и не было Марии.

– Как это не было?!

– Вот так, не явилась. Мальчонка какот прибег, весточку показал – отложить-де, занеду-
жили госпожа-с, анфлюенца.

Елена гневалась:

– Так ты и шашку не отдал?

– Кому? Так в санях и лежит.

– Выкину ее к лешему! – запальчиво постановила Елена.

– А и выкинь, – усмехнулся Федор.

Елена, походя накидывая шушун, стремительно выскочила в сени. Оттуда донесся
несильный грохот и возгласы. Дверь обратно распахнулась, держась за косяк, усердно потирая
лоб и пошатываясь, вошла Елена – гримаса боли. За ней ввалился Филька, терзал подбородок.
Сопровождалось междометиями и речью Елены:

– Чтоб ты колодезной водой травился, изверг, чтоб у тебя чирей на пятках вырос!

Филька кряхтел сквозь смех, жмурил один глаз, весело глядел на Федора; тот зашелся в хохоте... Проснулась девочка – содом! Елена выхватила дитя, не колеблясь, выпростала грудь, сунула в кокон.

Успокоилось. Филипп, отужинав, засобирился – Федор, вяло поглядывая, размышлял:

– К Лешке Босому, в карты играть?

– Ыгы, – мотнул головой Филька.

– Водку будете пить?

– Нешто посуху.

– И мне разве сходить.

– А и не возвращайтесь оба! – возмущенно рассудила Елена, мельтешила, блестя шишкой на лбу, убирала со стола, что-то делала у печи. – Эко славно! Мы с Анютой ой как порядошно управимся. Вот я ее за карасином в амбар пошлю – лампа на издох коптит.

– Потатила взгальна баба возок под горок, – проворчал Федор, по-доброму улыбаясь и делая Фильке мину: нынче не выйдет.

Идиллия. Мирно шаяла керосинка на столе укрытом после ужина пестрядевой скатертью. В углу поблескивала скромненькая иконка. Елена склонила голову к тряпью, чинила. Гукнула в зыбке малая, Елена подняла голову, проводила взглядом Федора, что, подойдя и наклонившись, пихал младенцу какую-то мишуру.

– Агу-агу, – неумело советовал папаша. – Может покормить?

Елена пощупала закрома:

– Рано, молоко не нацедилося. Трескает, как в прорву.

– Пусть растет.

Угомонив дочь, Федор возвратился к работе – хомут. Поленья в печи реденько и вежливо потрескивали, суетились в черной полынье окна отблески пламени. Елена отломила вяловато, неохотно:

– Сабле чего валяются в саях – обратно разве положить.

– Чего она тебя донимает – то отвези, то выбросить, то обратно!

Елена замялась толику и пояснила:

– Нельзя выбрасывать, Василий наказывал беречь.

– Какого рожна в сани пихала?

– Ну... сдурила – с вздорной бабы каков спрос!

– В голбец упрятать с глаз долой, чтоб нерву не щипала. Завтра уж.

Елена уперлась в работу, не поднимала голову. Молчала... Однако:

– Василий добрый был, да непутный. Он меня жалел.

– На добре-то зло тешится. Сам сник, хозяйство ушло, о сестре вся жаль, что за неимущего отдал. Ну да бог ему судья, а мы не в накладе. Сами наживем – нас родитель тожо-ка щедротами не измаял.

Елена встрепенулась:

– Зря ты, Василий заботился – шашка дорогого стоит.

Федор опроверг мягко:

– Дуреха, веришь байкам... Да и каков от нее навар, коли от Марии приобретено – дама-то известная.

– Однако Василий мне ее напутствовал!

– Верно, только Василию от Марии досталось.

Елена замкнулась, голова оставалась склонена. Не выдержала:

– А ты чего Марию хаешь – буди не чужая.

– Нашла вспоминать – схолосту чего не нагородишь. Знать бы, верстой огибал.

– А чего огибать (звенел голос) – окромя сладкого от Марии не потчевался!

Федор бросил в сердцах:

- Есть чего, а ты помалкивай!
- Да и говори, коли начал.
- Я не начинал.
- А я не закончила! – Елена неотвязно смотрела в Федора. – Видела я на сорочинах, охаживала тебя Мария. И в клети домогалась – видела!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.